

Демонология Сангомара. Удав и гадюка

Автор:

[Д.Дж. Штольц](#)

Демонология Сангомара. Удав и гадюка

Д.Дж. Штольц

Демонология Сангомара #4

4-я книга цикла. Юлиан вместе с товарищами попадает в Элегиар, Золотой город – место, где переплетаются богатство и нищета, магия и яды. Ведомый учителем, под личиной которого спрятался коварный демон, он не подозревает, чем обернется путешествие и кто поджидает его в Элегиаре. После исчезновения Юлиана в дело вмешивается Горрон, который обещает Филиппу найти его сына. И пока герцог бросает вызов вышестоящим силам, Филипп отправляется в зимние леса Офурта, туда, где бродит голодная и дикая Бестия.

Д.Дж. Штольц

Демонология Сангомара. Удав и гадюка

Меж удавом и гадюкой битва страшна –

Бьются они за розу терна.

И вот из норы грустно смотрит гадюка,

Без зубьев она – не опаснее пичуги.

Зубья остались в шкуре удава,

Тот – жив, но зол и снедаем отравой!

Глава VII. Золотой город

Спустя 2 недели, Элегиар.

Очертания дворца Элегиара, еще неясные и зыбкие, неторопливо выростали из лиловой утренней пелены. И чем отчетливее становились контуры, тем чаще билось сердце Юлиана. Наконец, солнце прорезало предрассветную мглу и из груди графа невольно вырвался вздох восхищения.

Дворец простирался в высоту на добрую сотню васа и состоял из трех громадных прямоугольных башен. Только в одной, левой и самой крупной, Юлиан насчитал двадцать окошек на этаже. Своей широкой частью башни смотрели на город под ними, как птица рух глядит сквозь небеса на снующих внизу людей. Дворец стоял наверху пологого холма, у реки Химей, где и родился Элегиар в 263 году. В былые времена этот город звался Гагатовым, за черную и рыхлую землю, дающую дивные урожаи. И уже потом, став негласной столицей магии, торговли и рабства, получил звучное и лиричное имя “Элегиар”, что в переводе означало “Дитя Элейгии”.

С вывешенными на шатровых шпилях дворца угольными флагами играл ветер, приносящий прохладу с севера. Массивные и крепкие стены из темно-серого камня украшали барельефы с изображением богов. И казалось, будто бы был этот дворец возведен этими же богами еще на заре мира. Любуясь могучей цитаделью в рассветных лучах солнца, Юлиан отметил про себя, что сравнение Вицеллием Элегиарского дворца с короной тут пришлось как нельзя кстати. Словно зубцы в монаршей тиаре, вверх, к небу, устремлялись три башни, украшенные, словно гагатовыми камнями, черными знаменами, а несколько уровней высоких стен вокруг города казались ободом.

По мере того, как город вырастал вокруг Королевского дворца, графа все больше охватывало чувство безмерного восхищения, и всё, что он видел, более напоминало прекрасный сон, чем реальность. Вот город раскинулся справа до самого края горизонта; и влево он устремился в бесконечную даль, где не было ему конца.

– О Ямес... – произнес Юлиан, и из его груди вырвался очередной восторженный вздох. – Я помню, как увидел Брасо-Дэнта в первый раз из спальни, и он показался мне бесконечным. А Молчаливый замок... – сам себе шептал граф. – Он тянулся к небу. Но...

– Вернись из прошлого и не смей произносить здесь имени Ямеса, Юлиан. – заметил серьезно Вицеллий.

– Но по сравнению с Элегиаром все, что я видел ранее – это просто каменные сараи, – с упоением договорил Юлиан.

Сзади послышались недовольные окрики – возникший повозки с фруктами негодующе смотрел на вставших посреди дороги путников, и те направили коней к невысокой ограде, отделявшей поля от широкого тракта, дабы не мешать движению.

Рабочий люд и торговцы разных мастей стекались в город полноводной рекой, и такой же поток направлялся в обратную сторону. Воздух дрожал от непрерывного рева мулов и ослов, щелчков кнутов и воплей погонщиков.

– Как же можно накормить такой город...

– Полкоролевства кормит Элегиар, а сам Элегиар – это королевство в королевстве, – ответил Вицеллий.

– На бумаге он представлялся не таким величественным.

Юлиан с улыбкой вспомнил обучение вместе с магистром Люмиком, старым летописцем Ноэля. Учитель Люмик всегда подпирал небо пальцем и деловито утверждал, что Элегиар – божественный город. И приводил в подтверждение сухие цифры: его размер, население, высоту башен, урожайность полей. А потом

тыкал молодого графа носом в книгу и требовал все заучить. Заучить-то заучивалось, но великолепие города предстало перед глазами только сейчас, вживую.

- Юлиан... - в задумчивости произнес Вицеллий, вырвав того из воспоминаний.

- Да, учитель?

- Я хочу с тобой поговорить.

- О чем же? - Юлиан отметил, что сегодня Вицеллий был на удивление смирен и не ядовит.

- О том, под чьим именем кто будет.

- Здоровое предложение, - согласился граф. - Я представлюсь сыном пленя из Лорнейских врат. Например, - Юлиан достал из памяти одно из припасенных имен, ненароком вспомнив пожилого управителя порта в Ноэле, - какой-нибудь Кавиан Корнесий. Кавиан Корнесий, сын пленя, а вы мой учитель.

- Учитель? Это не подойдет, - нахмурился веномансер. - Нактидий очень быстро заинтересуется, кто же этот Кавиан Корнесий. Что ты ответишь? Кто ты?

- Погодите. При чем здесь Нактидий? Речь шла не о нем. Раз уж Нактидий прислал письмо в особняк, то он прекрасно знает, кому вы служили все эти годы. Конечно, я не буду ему представляться учеником, а назовусь... товарищем...

- Нактидий болезненно любопытен. - Вицеллий выждал, пока мимо них проедет груженная мешками с мукой повозка, и продолжил: - Он станет выпытывать у тебя детали прошлого, потому что будет предполагать, что ты тот самый Юлиан де Лилле Адан, учителем которого я пробыл три десятилетия. Его не провести фальшивым именем.

- Хм... И что вы предлагаете?

- Представься моим сыном. Это будет выглядеть очень правдоподобно.

- Вашим сыном? У вас есть сын?

- Да, был.

- Но зачем?

- Я же тебе все объяснил, чего ты не понимаешь, Юлиан?

- Ваше объяснение смехотворно. На кой черт мне зваться сыном того, чье имя в книгах истории записано, как имя главного злодея Гнилого суда? Я планирую пожить в Элегиаре спокойно и проблемы мне не нужны.

- Верить историям в рукописях и книгах – это показатель недалекого ума, Юлиан. У меня остались друзья в Элегиаре, и Нактидий – самый верный.

- Вы никогда ранее не упоминали свою семью, а теперь вдруг обнаружили в городе, из которого бежали, и “верных друзей”?

- По приезде в Ноэль я поведал твоей матери всю историю, и она согласилась дать мне приют. Или я должен был отчитаться еще и перед мальчишкой, который только отсчитал второе десятилетие? – Вицеллий высокомерно огляделся по сторонам, рассматривая проезжающих мимо людей и нелюдей, а также разбросанные вокруг города поля. – Когда я покинул Элегиар, моя жена Филиссия вместе с младенцем бежала к отцу. Нактидий должен думать, что я с ней встретился и воспитал наследника. Поэтому скажи, что ты мой сын.

- Да я на вас даже не похож, Вицеллий.

Упоминание Мариэльд де Лилле Адан слегка остудило графа, но червь сомнения всё ещё точил его разум.

- Моя жена была известной красавицей – синеглазой и черноволосой северянкой.

- Была? Так что произошло с вашей семьей?

- Тридцать лет назад Филиссия добралась на Север, в Вертель, до отца, барона Фораджи, выходца из Крелиоса. Но он разорился, когда весь его товар в

Глеофии забрали под предлогом плохих отношений с Великой Флоасией.

Затем старик прекратил говорить, снова дождался, пока роскошно одетый гонец проедет мимо на своей тонкокостной и стройной кобыле. Вицеллий словно боялся, что сказанное им достигнет лишних ушей.

– Когда я устроился в Ноэле, то послал в Вертель гонца, передав с ним золото и предполагая, что Филиссия там. Однако посланник вернулся и сообщил, что ее отец повесился из-за долгов. Имение забрали в счет уплаты, а Филиссию выгнали с полугодовалым сыном на мороз. Мою жену считали южанкой и распутной женщиной, поэтому не любили, и помощи в городе она ни от кого не получила.

Ответом на рассказ старика Вицеллия стало лишь молчание – граф терпеливо ждал продолжения.

– Гонец искал Филиссию, но никто не знал, куда она пропала. Однако по возвращении назад, проезжая небольшую деревню у реки рядом с Вертелем, посланец заночевал на постоялом дворе. И случайно выяснил, что некая худая и ослабшая черноволосая женщина с ребенком на руках явилась из сильной вьюги со стороны Вертеля чуть больше года назад. Ее приютил один вдовец, а когда она распотрошила его от голода, то на Филиссию обрушился народный гнев.

Фийя, которая тихонечко восседала на лошади позади двух вампиров, испуганно сглотнула слюну, слушая рассказ, а Юлиан лишь кивнул.

– Младенца тоже убили? – спросил граф.

– Да, люд зарубил их на месте, – закончил историю веномансер. – Филиссия никогда не умела терпеть голод, и, изнеженная и капризная, была совсем не приспособлена добывать кровь на Севере, лишенном рабов.

Лицо старика напоминало маску, и ни единой эмоции сожаления или печали на его лице Юлиан не заметил. Граф знал, что Вицеллий Гор'Ахаг безразличен к страданиям всех вокруг, но, как оказалось, его не трогали даже горести собственных жены и ребенка.

– Теперь ты знаешь – никто не в курсе, где мой сын, потому что он мертв. Как и мать. Поэтому, если начнут спрашивать про прошлое, расскажи, что ты Юлиан Гор’Ахаг и твоя мать добралась до Ноэля, ко мне, а потом скончалась от кровянки, когда тебе было три года. И ты вырос при доме Харинфа.

– Что за Харинф?

– Харинф Повелитель Бурь.

– Что? Сильнейший маг Юга?

– Да. Это старый друг Пацеля. Он умер, но не оставил наследников, поэтому его родовое имение перешло по завещанию Пацелю. Особняк около Лорнейских врат.

– Интересные, однако, вы вещи утаили от меня, Вицеллий, – подозрительно покосился на веномансера Юлиан. – Почему же вы после побега не направились к Харинфу сами?

– Это уже личное... – поморщился Алый Змей. – Тебе тоже пора поучиться не выкладывать каждому встречному душу на блюдечке. – Вицеллий посмотрел прямо перед собой на возвышающийся город, демонстрируя всем своим видом, что желает закончить разговор. – Пойдем, восемьсот сеттов сами себя не заберут. И дай мне письмо от Нактидия.

Юлиан передал послание, достав его из набедренной сумы.

– Получается, ваш сын был еще без имени, когда случился Гнилой суд?

– Да. В те годы было модно давать младенцам сначала временные имена в честь Праотцов, а уже через год – постоянные.

– Понятно. Но все-таки это все выглядит сомнительно.

– Никаких “но”! – поморщился Вицеллий. – Если с тобой что-нибудь случится, то твоя мать с меня снимет кожу. Я ответственен за тебя, поэтому не смей перечить.

– Вы забываетесь. Вы всего лишь мой учитель.

– Вот именно, я твой учитель. Вампир куда более мудрый, с ясным рассудком и большим опытом.

Затем старик взглянул мельком на Фийю, ненароком, словно ее и не было, и снова обратился к Юлиану:

– И своей рабыне скажи, пусть держит рот на замке.

– С Фийей я сам разберусь, учитель! – ответил граф с раздражением в голосе.

Вицеллий лишь пожал плечами да замедлил лошадь, натянув поводья. Когда тонкий и норовистый жеребец Юлиана энергичной рысью обошел кобылу Вицеллия, веномансер устало оглядел поля со снующими рабами и крестьянами. Затем прошелся тусклым взором по спинам Юлиана и айорки и вздохнул. Он поправил воротник, зябко поежился от свежего ветра, растеряв всякое высокомерие и спесивость в своем облике.

Пока граф не видел его, Вицеллий отдыхал, сгорбившись и нахохлившись в седле, одинокий и отрешенный. Он ненадолго отвлекся от цели путешествия и вернулся воспоминаниями к своей Мариэльд, к своей голубоглазой и среброволосой Мари, ее взору, полному искренней любви и старой печали и... и этой проклятой ненавистной сущности! Вицеллий раздраженно дернулся от одной этой мысли, вцепился в переднюю луку скрюченными от злобы пальцами и прикрыл глаза. Он попытался унять клокочущие рыдания, которые подкатили к горлу тела, в котором находился демон. Но все было тщетно.

Виной всему был он. И каждый день демон с содроганием вспоминал, как Мари рыдала у него на руках, обливала горячими слезами его расписанный рубинами, сапфирами, алмазами и золотом балахон. И он плакал вместе с ней, пока Мари не поднялась. Она, тонкая, как ледяной клинок, и гордая, как пламенный феникс, выпрямилась и произнесла тихим, но непоколебимым голосом страшные слова: “Пусть будет так. Значит, это угодно самой судьбе”. А демон все еще вопил, его стенания прокатывались по долинам и равнинам, над реками и горами, под небесами и в самых отдаленных пещерах, заставляя дрожать каждую живую тварь. Вина и тяжесть преступления казались невыносимы. Тот, кто был сейчас

Вицеллием, сглотнул подступивший к горлу ком. «Нужно собраться. Исходов тысячи, но необходим только один». Сложная цепочка последовательности событий плелась в хитром, древнем сознании, и уже спустя мгновение Вицеллий выглядел обычным Вицеллием, разве что едва поникшим. Скоро последует череда смертей, ужасных и опустошающих. Но демону было плевать. Если бы стоял выбор – жизнь Мари или жизнь этого мира – то он бы поверг в прах и испепелил весь Сангомар, убил каждого младенца, женщину или старика собственными руками.

– Эй, посторонись с дороги! Ты здесь не один!

Вицеллий открыл глаза и остывающим взором, в котором еще бесновалось пламя прошлых эпох, недовольно взглянул на высокого стражника. За южанином в дорогих и ладно выкованных доспехах, что указывало на служение господам, в обозах сидели понурые рабы: наги, люди, вампиры, оборотни и даже один дэв, великан ростом в полтора раза выше обычного люда. Пустыми и смиренными взглядами они все уперлись в пол повозок, на щеках горели магические клейма, а края хлопковых рубах трепал ветер. Их босые ноги и хвосты касались друг друга.

– У него, видать, черти в ушах ковыряются. Старый болван, уйди с дороги королевской гвардии!

– Оглох? – прикрикнул уже второй стражник. Старик был один, а значит, не сильно богат, поэтому уставший от долгого пути воин имел полное право, по его мнению, излить свою злобу. – Тебе громче крикнуть?

– Покричите, – с раздражением на лице отозвался Вицеллий и посмотрел вслед Юлиану. Тот был уже далеко. – Покричите, если ничему другому не научены: ни уму, ни такту.

– Да ты...

Стражники, что первый, что второй, резко замолкли. Ледяная усмешка легла на лицо Вицеллия, и он, тоже выплеснувший злость на двух несчастных, направил кобылу вслед за спутниками. Плечи веномансера, доселе сгорбленные под тяжестью дум, расправились, и вид снова стал противным и вредным. А два охранника, выпучив глаза друг на друга, вдруг раскрыли рты и закричали что

есть мочи. Вицеллий подстегнул кобылу пятками остроносых сапог и поравнялся с Юлианом и Фийей. Те обернулись и непонимающе уставились на застывших посреди дороги двух мужчин, которые натужно рвали глотки, пока рабы хлопали глазами, приподнявшись в повозках.

– Полоумные какие-то... – прошептала Фийя.

– В больших городах хватает безумцев. – Юлиан поторопил коня и, взглянув на беззаботного Вицеллия, который даже не обернулся на истошные завывания, качнул в негодовании головой.

Для себя Юлиан решил, что после получения вклада оставит Вицеллия. Проследит, чтобы веномансер сделал свое дело, так как чувствовал ответственность за вредного, но уже в чем-то немощного учителя. И расстанется с ним. Возможно, он последует совету Вицеллия и представится его сыном, чтобы скрыть свою сущность. Преступления отцов по закону никогда не распространялись на детей, поэтому Юлиану, кроме косых взглядов ничего не угрожало. А после расставания с учителем он снимет небольшой домик и пару-тройку лет проживет в Элегиаре, познакомится с самым богатым и величественным городом мира. И позже отправится с Фийей дальше на юг, в прославленные Нор'Мастри и Нор'Эгус. Если там, конечно, к тому моменту утихнет назревающая война.

Вдоль дороги вырастали крестьянские дома. С каждым пройденным васо они жались друг к другу все плотней и плотней. Огороды мельчали, оставшись позади, пока наконец отряд не оказался в городе за стеной. Здесь обитали крестьяне: бедные, но свободные. Трудом на поле они зарабатывали себе на жизнь. Кузнецы, мелкие торговцы, кожевники, портные и ростовщики – все нищие представители этих сословий тоже селились за стеной города, на севере и западе. На востоке и юге Элегиар упирался в реку, и там, вдоль реки Химей, на высоком холме располагались величественные башни дворца.

А бедненькие лачужки все тянулись вдоль дороги, прерывались рынками, ремесленными домами и потом снова кучно строились у широкой тропы. Юлиан за это время уже бы дважды объехал Луциос, но сейчас они только-только миновали город за стеной и подъехали к высокой арке.

Прямоугольные ворота высотой в десять васо зияли подобно порталю. За аркой дорога резко становилась мощеной, более ухоженной, и домики за распахнутыми створками все как один выглядели богаче и ухоженнее. Вдоль улиц, по-над домами, красовались желтые бордюры, которые отводили всю грязь и воды на мостовые с канавками по бокам.

– В Мастерском районе запрещено двигаться верхом! – откуда-то справа прозвучал зычный требовательный голос.

Охрана стояла в тени нависающей башни и смотрела на гостей исподлобья, с неприкрытым раздражением. Под суровым взглядом двух стражей Юлиан и Вицеллий спешили. Фийя же похлопала глазами, не понимая языка расиндов, распространенного в срединном Юге. Затем, наконец, сообразила, чего от нее хотят, и тоже выскользнула из седла. Крепкий мужчина в железной шляпе-капеллине и с черными лентами на шее одобритительно кивнул, и настороженности в его глазах слегка поубавилось.

Темные шаровары охраны перехватывались внизу, на икрах, поножами, а сверху ныряли под изогнутый нагрудник. Плечи стражников укрывали пелерины черного цвета. В руках блюстителю порядка Элегиара держали массивные протазаны, а на бедрах, в ножнах прятались кинжалы.

Дорога расширилась и теперь вела путников между двух-, трех- и даже четырехэтажными зданиями. Каменные домишки попеременно сменялись деревянными, не было никакой стройности ни в облике их, ни в форме, но все они были аккуратными, опрятными и ухоженными. Фийя открыла в восхищении рот и, боясь при сварливом веномансере сболтнуть что-нибудь лишнее, молча взирала на огромный город. Периодически она все же закрывала рот, но потом удивление брало верх и тот снова открывался.

В Элегиаре люди так же, как и в Ноэле, носили шаровары, но вместо того, чтобы заправлять рубахи внутрь, они пускали их поверх штанов и перехватывали кушаками. Горло чаще пряталось не за высоким воротником, а обвивалось лентами или шарфами. Многие надевали декоративные наручи: деревянные, кожаные, плетеные, а иногда Юлиан видел даже металл. На рубахи поверх широких рукавов крепились наплечники, но чаще всего один, для красоты.

Ноэльцы любили светлые и мягкие одежды, в костюмах элегиарцев же сквозила враждебность. Повсюду был черный цвет. Бедный люд старался украсить невзрачный костюм хотя бы одной темной деталью. Как заметил Юлиан, на всех жителях – на их шляпах, рукавах, шее – где-нибудь да была угольная лента. А вот алого, коим щеголял Вицеллий Гор'Ахаг в память о своей молодости, нигде не встречалось.

– Какие огромные... – не выдержав, тихонько проговорила Фийя, разглядывая обступившие Мастеровой город стены. – От кого же их строили такие большие. От чудовищ?

– От нищеты, – буркнул Вицеллий.

– Учитель, – спросил Юлиан. – Где тут покупают кровь?

– У Северных ворот, у входа в Трущобы. Либо в таверне, они обычно держат несколько рабов для таких случаев. Но там цены не сложишь.

– Понял. Давайте тогда отыщем хороший постоянный двор и оставим лошадей.

– Подожди, – покачал головой веномансер. – Сначала заглянем в одно место.

Двигаясь в живом потоке, трое путников направились по мощеной улице куда-то влево от ворот. Шли долго; добротные дома постепенно серели, скрючивались и стали коситься во все стороны, подпирая друг друга. Простор пропал, и вампиры растянулись вереницей, с трудом протискиваясь по грязным проулкам с запахом экскрементов. Одна из таких узких улиц, куда уверенным шагом свернул Вицеллий Гор'Ахаг, окончилась тупиком и уперлась в высокую стену города. Та зловеще нависла над крохотным отрядом, сдавила и грозилась вот-вот расплющить. У её подножия, в тени, прятался сгорбленный двухэтажный каменный домишко с темно-коричневой крышей.

Веномансер прочистил горло и требовательно постучал несколько раз в покосившуюся дверь. Ждать пришлось долго. Наконец послышалось шарканье старика или старухи, и дверь со скрипом отворилась. В проем высунулась седая плешивая голова вампира. Беззубого, с пустыми глазами, видимо, почти незрячими.

– Кто здесь? – прошептал старик, внюхиваясь.

Он сощурился, поводит головой на расстоянии васа от путников. Фийя поморщилась от неухоженного вида.

– Ты слуга Пацеля? – поинтересовался сухо Вицеллий, уже привязывая к колышку кобылу.

– Да.

Старик замолк, пытаясь разглядеть сквозь белесую пелену на глазах, кто к нему пришел.

– Я его друг.

Не спрашивая, Вицеллий зашел внутрь лачужки, место которой было не здесь, а за воротами, за стеной, среди прочих крестьянских домов. Но нет, покосившееся здание с низкими потолками стояло в самом закутке Мастерового города.

– Юлиан, снимай кольцо, меч и давай сюда кошель.

– Учитель... – граф покачал головой. – Сначала объяснитесь.

Юлиан уже стоял посреди мрачного дома, где единственной мебелью были грубый льяник, очаг, обложенный камнями, и груда хлама на втором этаже, что напоминал скорее ярус под крышей. Примерно в таких условиях и жил когда-то в молодости Юлиан в Малых Вардцах.

– Это слуга Пацеля, моего друга, – указал на оборванца-старика в тряпье Вицеллий. – Он уже более тридцати лет верно служит Пацелю. Преданнее пса. Оставь здесь кольцо, меч и кошель, чтобы не привлекать лишнего внимания к своей персоне.

– Здесь очень большая сумма, – граф со смурным видом нащупал под накидкой увесистый кошель с золотом, прикрепленный кожаным ремнем. – Я не доверяю неизвестному мне старику.

– Дай на минуту кошелек, кое-что покажу.

Все это время слуга стоял и качался где-то у стены. Юлиану сначала показалось, что старик очень древний, но, разглядев, к своему удивлению обнаружил, что ему нет еще и ста лет. Однако лицо слуги было словно разъедено кислотами, руки тряслись, а пустые глаза смотрели в даль.

Неверяще Юлиан уставился на веномансера, а тот спокойно протянул руку, не приемля отказа. В конце концов, увесистая ноша легла в ладонь Вицеллия, и тому пришлось придержать мешок двумя руками. Пока Фийя стояла на пороге, у закрытой двери, Алый Змей вскарабкался по лестнице наверх, скрипя перекладинами и своими старыми костями. Взобрался очень живо, даже удивительно живо для столь почтенного возраста. Достал из хлама вещевой мешок, спустился, уложил его на земляной пол и распахнул. И небрежно швырнул туда кошель, прямо в мешок. Юлиан ждал стука, но его не последовало. Граф нахмурился, сделал шаг вперед и вытянул шею. В мешке будто зияла ночь, и хотя он был неглубок, дна Юлиан так и не увидел. А посреди этой ночи лежал, словно покачиваясь на волнах, кошелек с монетами.

– Эй, ты! – подозвал айорку Вицеллий и затянул шнуры на горловине. – Достань кошель.

Фийя осторожно прошла мимо Юлиана, который уже стоял около походной сумы в наклоне, развязала мешок и засунула туда руку. Ничего не нащупав, она распахнула свои серые глаза еще шире и полностью раскрыла суму. Та оказалась пуста. И дно было совершенно обыкновенным, холщовым и смятым.

– Что это... – непонимающе прошептал Юлиан и обернулся к слуге, который стоял дрожа у стены.

– Это старый подарок Пацелю от одного могущественного мага из Байвы. Артефакт, Юлиан, очень редкий, времен Слияния, – по губам Вицеллия скользнула на удивление теплая улыбка, не свойственная его лицу, но также резко и пропала, словно веномансер вспомнил, что не надобно так улыбаться. – Иди сюда.

– Но здесь только что был кошель! – в ужасе произнесла Фийя и испуганно затянула мешок на шнуры, да так быстро, будто оттуда могло что-то выскочить.

- Уйди... – цыкнул на айорку веномансер. – Дай свою руку, Юлиан.

Граф неуверенно подал длинную ладонь, за которую незамедлительно ухватился Вицеллий. Своей второй рукой он обхватил горло мешка, где были шнуры, и прикрыл глаза. По пальцам Юлиана будто скользнула искра, подобная той, что он ощутил в свое время с Кельпи. С подозрительным взглядом он одернул руку и стал сгибать, разгибать пальцы.

- Попробуй открыть.

Приглашающим жестом Вицеллий указал на непритязательную суму. Юлиан наклонился, открыл мешок и тут же увидел толстый кошель, развязал его, проверил – все в порядке.

- Невероятно! – с восторгом воскликнул он. – Как это возможно?

- Возможно, как видишь. Любой, кого одной рукой коснется хозяин мешка, а другой – самой вещи, станет также его владельцем.

- Он бездонный что ли? – с придыханием пробормотал Юлиан, вытянув мешок и нырнув туда рукой.

- Да. Чем больше нагружаешь, тем дальше отдалается дно.

- А если упасть туда?

- Пока не затянешь шнуровку, ничего не произойдет, – поднял бровь Вицеллий.

- А если кто-то затянет мешок, а внутри будет человек?

- Не советую экспериментировать, – зловеще сказал веномансер. – Сложи сюда кольцо, меч и кошель, взяв нужную тебе сумму – никто не найдет.

- А слуга? – Юлиан подозрительно покосился на качающегося старика, что уставился отрешенно на стену.

– Он вернее пса. Мешок лежит здесь уже много лет, Юлиан. И мы с Пацелем им постоянно пользовались, пряча здесь все самое важное.

Чудодейственная сума, с виду напоминающая старый вещевой мешок, выглядела столь завораживающе, что спустя минуту перстень уже лежал в кошеле, а сам кошель, чуть прохудившийся, в магической вещи. Туда же последовал и меч в ножнах.

– А где сам Пацель? Давно ли ты его видел? – обратился вдруг к немому старику Юлиан.

Тот качнулся один раз, качнулся второй и ничего не ответил. Даже не удосужился посмотреть на молодого графа, лишь на его лице странным образом отображалась вечно сменяющаяся череда эмоций. Брови Юлиана сдвинулись на переносице.

– С ним все в порядке?

– В полном, – кивнул Вицеллий Гор'Ахаг.

– А если будет пожар?

– Мешок не горит. Когда тебе что-то понадобится спрятать или взять, постучи пять раз в дверь этого слуги, он откроет. Тогда бери, что нужно, всегда шнуруй и уходи.

– Как тебя зовут? – снова обратился к безмолвному старику граф Лилле Адан.

– Это не важно. Пойдем. Теперь можно и на постоянный двор отправляться.

Вицеллий спрятал мешок на второй ярус, посреди вещей, и покинул лачугу.

Старик шатался. После того, как он выпроводил гостей, сел на земляной пол и в таком же состоянии отрешения стал лакать кровь из кувшина, роняя капли на пол.

А Юлиан еще долго оборачивался, запоминая забытую богами улочку, упирающуюся в стену. Кто бы мог подумать, что такая волшебная вещь будет выглядеть так неказисто и серо? Хотя, с другой стороны, рассуждал Юлиан, никто и не позарится на хлам. Даже нищета, ворвавшаяся в дом по воле случая, проскользнет мимо сумы взглядом. Да даже если откроет, то ничего не увидев, так и оставит на полу. А ведь сколько всего полезного можно взять с собой с помощью такого чуда?

– Учитель, – обратился к веномансеру Юлиан, – но почему вы ничего такого не рассказывали об этом...

– Помолчи, – перебил его Вицеллий. – Ни слова больше про него, понял? Это слишком ценная вещь.

Юлиан нахмурился, но кивнул, согласившись.

– И рабыне скажи, пусть помалкивает... – заметил Вицеллий уже на подходе к постоялому двору с вывеской “Золотой ломоть”.

Они остановились в центре Мастерского района, на улочке с удивительным названием “Дождливая”. На пятиэтажном постоялом дворе, достаточно аккуратном и чистом, выкрашенном в желтые и коричневые цвета, с харчевней на первом ярусе, Юлиан снял две комнатухи. Снял на самом верху, как любил – под чердаком, уповая на то, что качество укрытой красной черепицей таверны не соответствует названию улочки. Заплатил с десяток звонких монет за комнату, самую обычную, которую в Ноэле можно было снять за вдвое меньшую сумму. Затем вспомнил, что почти за то же самое в Аль’Маринне отдал всего шесть серебряных.

– Ну и цены у них здесь, – подняв удивленно брови, проговорил Юлиан. Скрягой он не был, но цены всегда подмечал, ибо память о нищем прошлом следовала за ним по пятам.

– Элегиар не зря золотым называют! Он не для бедняков, – саркастически ответил Вицеллий и обратился к Фийе: – Ты, почисть мой выходной костюм к утру.

– Вицеллий, пора бы вам на рынке приобрести слугу.

Граф нахмурился и покачал головой женщине, когда та уже пошла принять из рук Вицеллия его вещевой мешок.

– Я не вижу в этом смысла.

– Я тоже не вижу смысла в том, что вы эксплуатируете мою айорку.

– Она рождена для этого, Юлиан, – как ни в чем не бывало пожал плечами Вицеллий. – Все мы рождены для какой-нибудь роли.

– Я все сказал! Встретимся завтра утром.

Раздалось легкое, но выразительное покашливание. Граф развернулся и увидел сложившего в негодующей позе руки мужчину, который стоял и ждал, пока ему уступят дорогу в его комнату. Беседа проходила посередине коридора, и Юлиан, решив не выносить исподнее на обсуждение, взял Фийю за рукав и завел в комнату. Хлопнула дверь. На это Вицеллий лишь поднял брови, недовольно причмокнул и, смерив оценивающим взглядом по-простому одетого незнакомца, вероятно, какого-то ремесленника, пропал в каморке.

* * *

– Тео Юлиан, вы какой костюм наденете? – чуть позже спросила Фийя, расчесывая короткие волосы графа и продевая в них украшения.

– Темный. Здесь, как я понимаю, люди тяготеют к черному.

– Темные люди... – попыталась пошутить Фийя, но Юлиан не ответил.

Граф разложил разменянные у трактирщика монеты по небольшим кошелькам, которые спрятал на своем теле – в крупных городах процветало воровство и повсюду сновали карманники.

Вечерело. Отдохнув, воодушевленная Фийя привела себя в порядок и надела любимое мышинное платье с серебряной брошью в виде цветка олеандра. Ее, как и сережки с колечками, подарил Юлиан, так что айорка решила прогуляться во

всей красе, со всем подаренным сразу. Напоминающая еще туманное зимнее утро, с красотой темных волос, подчеркнутых холодным сиянием серебра, она нежно обвила шею графа и поцеловала.

– Пойдем посмотримся, – Юлиан вынырнул из мыслей о загадочном мешке. – До ночи еще далеко.

– Как скажете, тео Юлиан, – засияла Фийя. – А мы на рынок пойдем?

– Можем и туда заглянуть, но застанем лишь полупустые прилавки, – мягко улыбнулся граф, пряча под накидку еще один кошель. – Ты не забыла, как меня зовут, Фийя?

– Да как вы можете, тео Юлиан, такое говорить! Вы же... – потом замолкла. – Ах, да... – Тень негодования легла на милое личико айорки. – Вы теперь Юлиан Гор'Ахаг. Вам не идет эта фа...

– Тише, Фийя. Я спросил тебя не затем, чтобы все вокруг услышали, кто я. Лишь хотел убедиться, что ты запомнила.

– Конечно запомнила, тео Юлиан! – служанка всплеснула руками.

– Ладно, пойдем. И не забудь, ты – свободная.

Спустя пару минут молодая пара покинула “Золотой ломоть” и неспешно прогуливалась вдоль широкой Дождливой улицы, ведущей ко внутреннему городу. На удивление Юлиана, в Элегиаре даже под вечер гуляло много праздных зевак. Город галдел и шумел, жил бурно и ярко. Графу приходилось следить, чтобы ловкая рука какого-нибудь горожанина или ребенка, якобы случайно проходящего мимо, не занырнула под его плащ.

Многие элегиарцы одевались в темное, украшали себя желтым цветом, но обязательным атрибутом каждого горожанина были черные ленты. Носили их гордо, вязали на самое видное место, и даже, как показалось графу, косо посматривали на тех, кто был без символической полоски ткани.

– А что это за ленточка, тео Юлиан? – спросила осторожно Фийя, держась нежной ручкой с серебряными колечками за локоть графа.

– Мне кажется, это указание на принадлежность Мастеровому городу.

Граф задумался и стал внимательно рассматривать каждого проходящего. Те, кто был одет иначе, не как элегиарцы: темное с желтым, изредка красным, с наручами и декоративными наплечниками, – не носили черных лент.

– Да, Фийя, это показатель статуса. В Элейгии всех людей и нелюдей относят к условным четырем общим классам: рабам, свободным беднякам, ремесленникам и господам. В эпоху расиндов, в 15-17 столетии, представители ремесленного сословия и их семьи обязаны были иметь нашивку, – Юлиан сморщил лоб, вспоминая книгу по культуре расиндов из библиотеки. – Да, нашивку черного цвета. Но они были очень неудобны, потому что их приходилось пришивать на каждую рубаху либо платье. Скорее всего, ленты – это дань уважения прошлому или просто скоротечная мода.

– А когда вы это успели узнать, тео Юлиан? – распахнула рот Фийя. – Кто вам это сказал в городе?

– Фийя, Фийя... – с улыбкой покачал головой граф, поглядывая на айорку сверху вниз. – Книги в библиотеке нужны не только для того, чтобы протирать с них пыль.

Айорка лишь повела плечами. Как ни пытался Юлиан ее научить читать, ничего толкового из этого не вышло. Первые десять лет граф всячески старался приобщить простоватую девушку хоть к каким-то знаниям, но после череды безуспешным попыток бросил эту затею. Проще было обучить чтению Кельпи.

– От них действительно очень много пыли, тео, – надула губы Фийя, вспоминая свои мучения с библиотечными полками, а затем простодушно выдала свою сестру: – А Ада всегда называла ваш кабинет пылесборником.

– Кому пылесборник, а кому – память человечества, обычно столь скоротечная в жизни, но в книгах запечатленная на века.

Ответом снова стало лишь фырканье айорки, которая была уверена, что от книг пыли больше, чем толку.

- Ладно, я вижу, тебе это не интересно...

Вдруг справа мелькнуло алое пятно. Юлиан повернул голову. В струящихся одеждах, укрытая невесомой накидкой кровавого цвета, брела девушка. В ее каштановых локонах сверкали украшенные кольцами и золотыми монетами иссиня-черные рога, чуть загнутые вверх.

- Тео Юлиан, смотрите! - служанка беспардонно ткнула пальцем в суккуба.

- Фийя, не показывай пальцем! - шикнул на девушку граф. - Это, вероятно, особа со внутреннего города.

Девушка двигалась грациозно, подобно первобытной кошке в лесах. Рядом с ней топтались четверо немых вооруженных стражей. Лениво суккуб оглядывала все вокруг, скользя безразличным взглядом по лицам и одеждам. Ее темные, почти черные глаза с пушистыми ресницами казались бездонными, а очерченное лицо с пухлыми губами и милым тонким носиком было прекрасно. Девушка несла на себе печать порока, но эти ее естественные дикость и легкость заставили Юлиана встать, как вкопанного.

- Ужас! Еще и хвост торчит, - Фийя недовольно заметила, как граф замер и впился голодным взглядом в суккуба, и насупилась. - Страшная, как морские черти! Да даже страшнее, фу-у-у...

Суккубка, озираясь, нашла возвышающегося над всеми Юлиана, который был высок даже для северянина, и с холодным равнодушием скользнула взором мимо него. Ощувив острый укол разочарования, что взгляд девушки в красном не задержался на нем дольше положенного, Юлиан, будто окаченный холодной водой из таза, взял настойчивую Фийю за ладонку и повел к рынку, в противоположную от суккуба сторону. Но пару раз он все-таки оглянулся, как и многие мужчины на улице. А служанка буравила прищуренными глазами то исчезающий в толпе алый силуэт, то вожденный взгляд господина, занятого созерцанием прелестей куртизанки.

– Тео, тео! – задергала за рукав господина Фийя. – Вы там что-то про нашивки рассказывали. Мне это очень интересно! Расскажите еще что-нибудь!

Юлиан окончательно очнулся от сладкого забытья и посмотрел на требующую внимания служанку.

– Тебе это вдруг стало интересно? – граф тихо рассмеялся.

Он прекрасно понимал мотивы данной просьбы, потому что Фийя для него была раскрытой книгой, сотни раз прочитанной вдоль и поперек, с сюжетом, где был известен каждый поворот, и с уже потертой от тысяч касаний и ласк обложкой.

– Да! – Айорка убедилась, что суккуб пропала из виду, и чуть успокоилась, уже подзабыв о своей просьбе.

– Ну слушай. На месте вон того большого дворца, согласно записям летописца Гарболена, племя расиндов в 236 году возвело крепость. Тогда Юг сотрясали постоянные войны, а гагатовые почвы считались особо ценными.

– Гагатовые? – прыснула девушка, в своем созерцании огромного рынка отвлекшаяся на речи господина.

– Да, это метафора, Фийя. Камень в кольце на твоём безымянном пальце – это как раз тот самый гагат, или черный янтарь, который тебя так развеселил.

– А я думала, что это агат.

Фийя отвлеклась от красивых сережек на прилавке и уставилась на свой пальчик, щупая взглядом подаренное графом серебряное украшение с Аль'Маринна.

– Нет, это разные камни. Кхм, так вот. Тогда же первый король Элейгии, прозванный Морнелием Основателем, наследником божественного зерна Прафиала, объявил все земли от Аль'Маринна, который тогда еще принадлежал королевству Норр, до Красных гор и от залива Черной Найги до южных озер, своими.

– Морнелий? Тео, а не так ли сейчас короля зовут? Того, которого отравили?

– Да, умница, что запомнила рассказы Йонетия. Морнелий Молиус, нынешний правитель Элейгии и один из консулов – это прямой потомок того самого Морнелия Основателя, носителя зерна Прафиала. – Граф уже привык к тому, что Фийя имела свойство перебивать. Но это было не от ее бестактности, а от неумения долго держать в голове какой-нибудь вопрос. – В роду Молиусов детей часто зовут этим именем.

– А-а-а-а, понятно.

– Так вот, – Юлиан поморщился от слова-вредителя, доставшегося ему от летописца Люмика, и продолжил: – Тогда же самопровозглашенный король Элейгии стал собирать вокруг себя сторонников. Когда с Севера, из-за череды землетрясений, на Юг хлынули порождения Слияния, здешний народ, расинды, не очень-то были и рады видеть нагов, каладриев, оборотней, дэвов и прочих. Поэтому, вплоть до основания Гагатового града, где Морнелий пообещал дать приют всем разумным существам в обмен на служение ему, Юг сотрясали войны между людьми и нелюдьми. Раньше рас было много больше, Фийя. По старым записям, когда-то существовали такие гибриды, как полулюди-полукозлы, полукоты, полукони. Да много кто...

– Что? Полукони? – Фийя вновь рассмеялась. – Это что ж за чудовища такие?

– Одна часть тела была у них лошадиной, а другая – человеческой.

Служанка очень живо представила себе двуногого человека без рук и с головой лошади и расхохоталась, спрятав лицо за сложенными около носа ладошками. Промеж пальцев у нее побежали слюни, и, покраснев от такого неприличного вида, айорка рукавом вытерла щеки, губы и засеменила за удаляющимся графом.

Они шли по широкому проходу рынка, вдоль разбросанных с двух сторон пестрых прилавков. Между лавочками, палатками да красивыми магазинчиками прятались харчевни, а подуставшая за день ребягня, нанятая за пару бронзовичков, завлекала прохожих.

– Проходите, почтенные!

- Будете желанными гостями в нашем прекрасном заведении!

- Тушеные в листьях сони всего за десять бронзовых!

- Лучшее пиво в городе!

Юлиан с интересом разглядывал проходящих инкубов и суккубов, эту дивную расу, которая не водилась в землях Ноэля. Однако ни одна девушка не была так красива и грациозна, как та незнакомка в алых одеждах. И все-таки суккубы притягивали взгляды: и изящной походкой, и точеными силуэтами, и томными и глубокими бархатными глазами. Они, как и инкубы, поклонялись своей богине, богине похоти и страсти Зейлоаре, которая не входила в основной пантеон и считалась вторичным Прародителем.

- А куда делись эти полукони? - спросила неожиданно увлеченная рассказом графа Фийя.

Юлиан понял, что история Элегиара с сухими цифрами и фактами не очень-то и волнует айорку, поэтому решил не грузить светлую головку лишними знаниями. И не стал рассказывать, почему в Элегиаре несколько уровней стен, как долго и непросто создавался баланс, позволяющий соседствовать рядом друг с другом столь разным существам.

- Не нашли себе места в этом мире, - коротко ответил он.

- Как это?

- Выжили, Фийя, лишь те расы, что смогли приспособиться. Обратни известны своей стайностью, они буквально выгрызли право на существование. - Два вампира одновременно поморщились от воспоминаний запаха волков, хотя не одними волками был един род обратней. - Вампиры за счет долголетия и здоровья нашли себя в ученых профессиях, в управлении и в качестве охраны. Наги тоже, как и обратни, держатся друг за друга, очень флегматичны и представляют ценность как лучники, за счет сильных длинных рук и высокого роста, и как охрана. Каладрии - птичьи гибриды - очень внимательные создания, поэтому живут в библиотеках, канцеляриях и архивах. Так, кого я еще забыл?

- Этих страшных, как чертей, суккубов.

Фийя злобно фыркнула и прошлась взглядом по мимо шествующей рогатой даме, видимо куртизанке. Для себя служанка уже поняла, что очень невзлюбила суккубов, вот сразу же с первого раза.

- Ну, влечению все возрасты покорны, так что эта раса тоже нашла свое место на Юге, - Юлиан весело взглянул на перекошенную ревностью мордашку айорки.

- Правильно, а больше они ничего и не умеют!

- Я бы поспорил. Куртизанки, встречающиеся с богатыми господами, зачастую образованны и приятны в общении, они умеют одинаково хорошо и петь, и танцевать, и поддерживать любую беседу.

- Тогда почему они просто шлюхи?

- Фийя! - недовольно шикнул на айорку граф. - И суккубы, и инкубы пали жертвами предрассудков. Неважно, кто они есть для самих себя, важно, что прочие расы видят в них лишь вестниц и вестников богини Зейлоары. Если образованная суккуб придет искать работу в качестве писаря, хозяин возьмет ее лишь за тем, чтобы сделать любовницей и по ночам утолять похоть.

- Сами виноваты! - мстительно ляпнула, не подумав, Фийя, а затем резко вспомнила предостережения Кайи касаясь отношений с графом и неожиданно поникла.

- Фийя, Фийя... Тебе все-таки стоило бы научиться чтению, может хоть это поменяет твои взгляды на жизнь.

- Зачем, тео? Вы и без пыльных книг интересно рассказываете.

Граф Лилле Адан в ответ лишь устало вздохнул.

Простодушная Фийя не понимала языка расиндов, поэтому то и дело интересовалась, что значит та или иная надпись. Элегиарцы не общались на

иных языках, и Юлиан услышал аельскую речь лишь дважды, а северной не было и вовсе. То тут, то там попадались магические лавки, и, не выдержав на третьей вывеске, граф нырнул под яркую красную арку, украшенную пурпурными бугенвиллиями. Вампиров вмиг окутали благовония. Фийя и Юлиан одновременно сморщили носы и чихнули. В воздухе клубился горчичный дым, а на окрашенных желтой краской полках стояли странные предметы. Под потолком покачивались гирлянды из сушеных полевых чертят.

– Что это, тео Юлиан? Фу... – девушка с высунутым языком в оскале, обнажавшем острые клыки, помахала ладошкой перед носом. – Здесь кто-то умер?

– Нет, красавица, это горячие ароматы! – слышался из-за прилавка хитрый голос.

Оттуда вынырнул невысокий, как и все южане, загорелый мужчина, обросший по бокам жирком, что колыхался под его песочным платьем. Слишком ласковым взглядом торговец посмотрел на северян, приложил ко лбу правую руку и выставил ее вперед – так здоровались элгиарцы.

Юлиан повторил жест, а за ним и Фийя.

– Что он сказал, тео Юлиан? – спросила Фийя осторожно, по-аельски, и снова чихнула.

– Я говорю, – торговец обратился к девушке на ломаном аельском, – что это ароматы любви, милая женщина.

– Любви? – едва ли не воскликнула Фийя. – Но от них же воняет!

– Мужчины, когда чувствуют эти нотки на теле женщины, считают их невероятно изысканными и привлекательными, теряют над собой всякую власть. Все девушки, желающие понравиться своему избраннику, должны обязательно купить эти духи.

Пока Фийя с раскрытым ртом хлопала глазами и принюхивалась, пытаясь различить в сдавливающей вонючести что-то, что возбуждает мужчин, Юлиан бродил взглядом по полкам.

– Заговоренные монеты Прафиала для богатства, амулеты Гаара для долголетия, подвески Хеймейя на исподнее для мужской силы... – начал вопросительно перечислять торговец, стоя непозволительно близко к разглядывающему товары графу. – Есть еще кольца Шине, которые дарят ясный рассудок...

Юлиан мотал головой и хмурился, пытаясь отвязаться от настырного мужчины. Но тот не сбавлял напора.

– А вот вода со священного озера Офейи, где магический источник. Исцеляет любые болезни! – подсказал на ухо торговец, периодически поглядывая на замершую перед духами Фийю.

– Смотрите, а это противоядие...

– От чего? – тут уж и у Юлиана блеснули глаза.

Заметив интерес покупателя, явно богатого, торговец оживился, приосанился и важно указал ладонью на лежавший на полке рог.

– Остался последний... Великолепно действует.

– От чего противоядие? – еще раз, уже настойчивее, спросил граф.

– От всего! – многозначительно улыбнулся продавец и коснулся рога размером с женскую ладошку с трепетом и нежностью. – Дорогое удовольствие, но обезопасит любого путника с Севера от заговоров, яда и порчи.

– Даже от заговора? – Юлиан повеселел, зная, что порча, заговоры и проклятья в магии – это шарлатанство. Как и все эти амулеты счастья, здоровья и богатства. – А чей это рог?

– Кельпи! – восторженно произнес торговец. – Вы не представляете, как его тяжело достать! Северных демонов воды очень тяжело изловить. А знаете, как получают рог?

– Как? – с трудом сдерживая смех, поинтересовался Юлиан.

– Держат шесть мужчин за шесть ног, а седьмой пилит! Чудесное приобретение, покупайте и оградите себя ото всякого зла!

В магазине раздался громогласный хохот, и граф, схватившись за живот, уже представлял, как будет объяснять Вериятель, что у нее должны иметься рога и шесть конечностей.

– Пойдем... Ох... Пойдем, Фийя...

– Подождите! – Графа встретил осуждающий взгляд. – Если вы сейчас не купите этот последний волшебный рог, его может приобрести следующий покупатель, который окажется более дальновидным! – Торговец забеспокоился и стал обегать графа то слева, то справа. – У вас еще есть шанс. Я готов пойти на уступку по цене!

– Сколько же стоит этот... этот дивный рог Кельпи?

– Всего лишь десять золотых! Но вы мне очень понравились, почтенный, поэтому такому видному мужчине я готов отдать за восемь! Даже за шесть!

Новая волна хохота сотрясла своды магазина. Решив, что с него хватит, Юлиан со смехом выскочил на улицу и втянул свежий глоток воздуха. Спустя минуту, взяв себя в руки, граф хотел уже пойти с айоркой дальше, но Фийя вдруг задергала Юлиана за рукав.

– Тео, я, кажется, забыла колечко в магазине. Вертела на пальчике... Вертела и на полочку положила, кажется. Подождите немного, пожалуйста.

С этими словами покрасневшая девушка скрылась в лавке с горчичным дымом. Появилась она через несколько минут, и, найдя графа, который стоял чуть дальше в шумной толпе, пошла к нему. Слегка поджатые губы айорки налились краской от покусываний, а глаза стыдливо уставились в мощеную мостовую, но Юлиан этого всего не видел – он растворился взглядом в Элегиаре: в его богато одетых жителях, шумном рынке под каменными сводами, в женщинах с глазами цвета янтаря.

На полупустом рынке Фийя со стеснительным взглядом выпросила у графа купить ей простенькие наручи, но, получив серебряные, еще долго ходила пунцовая, как рак, и гладила пальчиками свои новые украшения, которые тут же надела.

- Тео Юлиан, смотрите! Какой красивый... это... это...

- Наплечник, Фийя. Здесь его используют в качестве безделушки, пришивая к одежде или крепя ремнями.

- Может быть, вам такой купить? Я пришью его к васильковой рубаше, той, с белыми цветами. Красота-то какая будет, тео!

- Не надо. Давай вернемся на постоянный двор, завтра вместе с Вицеллием нужно будет попасть во внутренний город. Или хотя бы постараться.

- Он... Он такой противный, тео Юлиан! Как вы терпите этого мерзкого старика? - озадаченного пробормотала Фийя, а затем, вспомнив чванливое сухое лицо веномансера, скривилась, будто кислой крови напилась.

- Вицеллий всю жизнь провел среди алчных и тщеславных людей, спасая одних от козней других. И на мир смотрит немного иначе, Фийя.

Юлиан шел, худой и статный, возвышаясь над толпой, как гора высится над равнинами.

- Ну и что... Но нельзя же быть таким противным! Вон, господин Пацель всегда был ласковым, а ведь он тоже этот... аристократ. - Мордашка Фийи вновь перекосилась, и она, держась за локоть Юлиана, показала самой себе язык. - А этого будто черти за пятки грызут в сапогах!

Юлиан тихо рассмеялся, и его смех утонул в гаме вечернего города. Чудесным образом одновременно зажглись по всему городу магические фонари.

Зазвенели колокола. В сгущающихся сумерках народ заспешил по домам. В Мастерском городе жил ремесленный люд, более состоятельный, чем нищета за стеной, но все-таки рабочий. Поэтому улицы стали быстро пустеть, и по

практически пустынным мостовым гуляли единицы, явно нездешние. Местами проходила стража, вооруженная протазанами, все в тех же металлических шляпах с черными лентами и темных полунакидках. Шумели теперь лишь в тавернах да борделях. Из окон последних доносился веселый хохот и женские визги.

* * *

Бледный месяц выглядывал из-за высоких стен. По освещенным дивными фонарями улицам совершал обход караул. Юлиан прикрыл ставни и переоделся, затем прислушался к соседней комнате. Оттуда доносилось равномерное сопение старика с периодическим покашливанием.

Из сумы, что граф всегда носил с собой под плащом, Юлиан извлек пузырек и, откупорив, залил яд в рот. Холодная кровь прокатилась по горлу, оставив чувство горькости – смесь Ксимена и Зиалмона с Белой Розой. Это была последняя бутылка из поданных ему Вицеллием. Неприятный вкус крови придавала огромная доза Белой Розы, той самой, тайну которой Вицеллий так никому и не раскрыл. Вицеллий заказывал ингредиенты с Аль'Маринна всегда самостоятельно, отправляя важного гонца с зашифрованными поручениями, которые тот не понимал. На просьбы графа пролить свет, какой же яд скрывается под столь мелодичным названием, веномансер всегда лишь ехидно отвечал: “Вот если имеешь хоть немного ума, то со временем разгадаешь сам”.

Белая Роза имела совершенно иное от Ксимена и Зиалмона действие. Те два яда сковывали, делали тело каменным, отчего Старейшина падал на землю и начинал кашлять кровью, а потом и вовсе замирал, не в силах шевельнуть даже пальцем, если вовремя не дать противоядие. При употреблении Белой Розы же, наоборот, наступала очень активная реакция. Учащалось сердцебиение, пот катился градом, а в желудке и кишечнике после контакта с ядом вырабатывалась белоснежная пена, что хлопьями лезла изо рта, носа и даже заднего прохода. За это яд и получил такое красивое и поэтичное название. При Ксимене и Зиалмоне Старейшина пару дней лежал, будто мертвый, неподвижно и умиротворенно. А вот при Белой Розе на его долю выпадала жестокая участь безостановочной сильной тошноты, дополняемая чувством, что он вот-вот сойдет с ума от того, что сердце бешено стучит в груди, а мышцы всего тела сковывают болевые спазмы.

Юлиан испытал это все на себе. Тогда, будучи неопытным, он залил в себя слишком большую дозу. Вицеллий в те дни безудержно хохотал над позорно спрятавшимся среди камней на берегу Юлианом, который к началу четвертых суток иссох, словно труп, и лежал среди лужи белой и вонючей пены, в струпьях и язвах. После того случая граф получил исчерпывающий опыт и быстро научился считать правильную дозу.

Юлиан сидел в спальной рубашке на кровати и думал о Белой Розе, когда до его слуха донесся сначала звук пробки, а потом в нос ударили знакомые горчичные запахи.

Через секунду Фийя уже обвила шею Юлиана, горячо целуя и чувственно потираясь нагим телом. Тут же вокруг нее осело облако удушливых духов, окутало пару тягучей завесой. Юлиан по неосторожности вдохнул и судорожно, по-рыбьи, открыл рот от тошнотворного запаха. Графу показалось, словно в глотку ему засунули горчицу и перец одновременно. Фийя улетела на пол, перекувыркнулась и обиженно взвизгнула, а Юлиан ударил ладонью по ставням, отчего те слетели с петель и оказались на мостовой. С перекошенным лицом он перегнулся через подоконник и задышал в мучительной агонии, глотая рывками воздух. Вся принятая кровь просилась назад, и, в приступах вцепившись в карниз, Юлиан сипел, хрипел и пытался выдавить из себя то, что успел вдохнуть. Испуганная айорка, постанывая от расплывающегося на поясице синяка, выглядывала из-за кровати.

К счастью, на улице никого не оказалось, и, отдышавшись, граф вполз всем телом обратно в комнату.

– Фи... Фийя! Черт возьми, Фийя! – прорычал граф. – Ты что, купила у этого шарлатана духи?

Бледная айорка кивнула макушкой и всхлипнула.

– Фийя... – сквозь зубы прохрипел граф и, озлобленный, заходил вдоль окна и стены, кидая гневные взгляды на объятую страхом айорку. Затем сел на кровать и схватился руками за голову. Спустя некоторое время, придя в себя, Юлиан потер грудь ладонью, успокаиваясь. Внутри еще жгло. Одна полуразбитая ставня со скрипом прикрылась, и мужчина присел рядом со спрятавшейся Фийей, которая тихо рыдала и кусала пальцы.

– Иди сюда, Фийя, – протянул ладонь Юлиан. – Иди сюда, я сказал!

Вытирая запястьем слезы, айорка села на колени и уткнулась в шею графа носом, заливая рубаху ручьями.

– Простите, тео... Я...

– Фийя, послушай, – измученным голосом выдавил из себя Юлиан, стараясь дышать осторожнее – от девушки разило духами. – Время не вернуть, и ты уже не та семнадцатилетняя девушка, которую я встретил в Йефасе.

Он погладил ее по голой спине, не знавшей никогда плети или побоев, и поцеловал в хрупкое плечо.

– И я уже не тот двадцатитрехлетний молодой мужчина.

– Вы не поменялись, тео... – всхлипнула Фийя. – Все такой же!

– Внутри-то изменился... Как и ты. Женщина ты моя, пойми же, наконец, что тебе нужно свою жизнь устраивать, я даю шанс. А не пытаться оставаться все той же семнадцатилетней Фийей.

– Не могу я! – вновь разрыдалась айорка. – Я вижу, что вы такой же, как тогда. Ни морщины не появилось... А я старею. Очень скоро я стану вам не нужна... Как только зад мой сморщится, а грудь обвиснет.

– Фийя, Фийя... – Юлиан печально улыбнулся и поцеловал женщину во вспотевший лоб, а руками заскользил по мышиным волосам, что в свете луны отливали темным серебром. – Ну что за глупости. Как же мне не любить тебя?

– Вы... У вас кельпи есть, тео! Вы только Вериатель и любите, а я же рабыня, просто глупое мясо, никчемное и слабоумное создание.

– Прекращай так говорить, Фийя! Даже когда ты состаришься, то не останешься без любви... Хоть все будет и иначе.

– Как? – Фийя подняла заплаканные и красные глаза.

Граф тяжело вздохнул, не зная, как объяснить свои чувства.

– Фийя, я не хочу врать. Да, пусть ты меня уже и не так влечешь в постели, но это не значит, что я тебя не люблю. Ты была рядом тридцать лет, каждый день заботясь, но пора подумать и о собственном счастье, о материнстве. Тебя будет любить муж, будут любить дети... – после заминки Юлиан сказал: – Когда вернемся, Фийя, я выделю тебе отдельную комнату. Ты поняла?

Растеряв и без того скупое красноречие, Юлиан замолк и поцеловал женщину в зареванное лицо, спустился губами к шее и слегка прокусил, отчего Фийя томно вздрогнула и прикрыла глаза. Вкусив мысли женщины, граф понял, что разговором так ничего и не добился и вряд ли добьется. Он стащил с себя спальную рубашу и уложил Фийю в кровать. Уже к полуночи айорка умиротворенно сопела в обнимку с подушкой. Уделом же Юлиана стали размышления, как объяснить глупенькой Фийе, что страсть потухнет и она упустит то драгоценное время, в которое нужно обзаводиться семьей и детьми.

И снова Юлиан вспомнил того суккуба со странной и дикой чувственностью. А потом все померкло; растворились и Фийя, мирно похрапывающая рядом, и та загадочная незнакомка. В беспокойном сознании Юлиана выплыл образ Вериатели. Граф негромко и тепло вздохнул, желая прикоснуться к своей любимой кельпи. Он так и пролежал с некоторое время, думая, как бы разговорить свою молчаливую и вечную спутницу.

А еще позже Юлиан поднялся с кровати, нашел этот злополучный флакон с удушливыми и мерзкими духами, закутал в хозяйскую тряпку и спрятал за шкаф, чтоб, не дай богам, Фийя его не нашла.

* * *

С рассветом Юлиан ждал появления Вицеллия с возмущениями по поводу костюма, но того все не было. Он долго возился за стеной, сопел, ворчал, а потом замолк. Как бы граф ни прислушивался, он не мог понять, что делает веномансер. Наконец, собравшись, Юлиан с айоркой вышли в полутемный коридор, и после короткого стука веномансер открыл дверь. На старике было праздничное темно-серое платье с золотыми пуговицами и бархатной алой пелериной.

Юлиан вошел внутрь, сложив руки за спиной, и поздоровался быстрым кивком.

– Учитель.

– Да?

– У ворот Золотого Города разговаривать буду я. А вы, пожалуйста, тихо стойте в стороне. Когда получите долгожданный полувековой вклад, мы навестим тот дом в Мастерском районе, где я заберу вещи. Далее нам придется расстаться. И снимите, ради всех богов, Северных и Южных, алую накидку – не привлекайте к своей персоне излишнее внимание!

– И не подумаю, – высокомерно поправил золотую цепочку на столь любимой пелерине веномансер.

– Тогда завернитесь хотя бы в плащ! Нам нужно пробраться к Нактидию неизвестными, забрать вклад и вывести вас из Элегиара как можно скорее.

Вицеллий, поразмыслив, неожиданно послушно кивнул и подсунул края выбивающейся пелерины глубже под материю плаща. Затем нахохлился и накинул на седую голову с мышинными волосами капюшон. Юлиан, обрадованный, что к старику вернулся глас разума, вместе с Фийей стал спускаться вниз.

Графу пришлось заплатить десять серебряных за уход за лошадьми и дополнительно еще десять за выбитые ставни и пятна крови на простыне, отчего трактирщик очень косо посмотрел на северян. Элегиар – дорогой город.

Город пробуждался. Южное солнце, еще по-весеннему холодное, выкатилось из-за каменных стен. На улицах стоял живой гул. Юлиан, Вицеллий и Фийя вышли на широкую мостовую, взобрались вверх по холму, мимо шума рынков, стука молотков в кузницах, тягучих запахов аптекарских домов, густого аромата смолы в сапожных мастерских, все дальше и дальше, к единственному входу в

Золотой Город. Спустя полчаса путники достигли высоких кованых ворот с золочением. Сквозь створки этих ворот, выполненных в виде огромного ветвистого дерева, можно было попасть в господский район, ныне закрытый. Хотя, как подозревал Юлиан, и до покушения на короля в Золотой Город рабочему люду было не пройти.

У входа покачивались на хвостах два стражника-нага, в алых и пышных одеждах, укрытых металлом, со сверкающими протазанами. Они взглянули на гостей из-под капеллин. Недобро блеснули желтые глаза. Рядом со змеями, в плетеном кресле восседал человек в накидке. Накидка эта, черная и богатая, щеголяла витыми древесными узорами и крепилась на плече золотой фибулой платана. Горло пожилого мужчины обвивали ленты, а от переносицы вверх, к границе волос, устремлялась черная полоса краски. Стало быть, охранный маг, со своими отметинами, обозначающими статус.

Вампиры остановились у ворот. За ними виднелись приятные глазу простор и чистота. Вдали пестрела завлекающая вывеска борделя, и ярким цветом вторили ей кровавые бугенвиллии, сочные листья плюща и зловещая чернота высаженных вдоль улиц платанов.

– Да осветит солнце ваш путь, – поздоровался Юлиан.

– И вашему пути я желаю света, – ответил интеллигентно маг, как того требовали правила приличия, и впился пронзительным взглядом в графа. – Чем могу быть полезным?

– Мы направляемся к почтенному гор'Нааду, помощнику Главного Казначая Его Величества.

– Зачем?

Маг окинул внимательным взором прилично одетых мужчин и притихшую женщину, вероятно, рабыню. Впечатление гости создавали благоприятное. Аккуратные, статные, хранящие полуулыбку на устах, – аристократы, значит.

– Касаемо крупной суммы займа в золоте. Мы прибыли издалека.

– Откуда?

– Ноэль.

– Почтенный гор'Наад знает о вашем посещении?

– Он знает, что мы должны прибыть.

Хорошие манеры Юлиана, его благородный и рассудительный вид понравились магу. На лице чистейшего северянина, коих охранник не видал уже с пару десятков лет, царила порядочность, та самая, чистая, которую трудно подделать. Тем более, к Нактидию частенько захаживали вельможи из прочих городов и даже королевств. Не найдя причин для отказа, мужчина уже собрался махнуть стражникам-нагам, чтобы один из них проводил гостей к банкиру. Да и позади к калитке уже волочилась груженная помидорами, перцем и цуккини подвода, которую следовало проверить и пропустить.

Однако тут Вицеллий, доселе молчавший, показательно расстегнул плащ, снял его изящным жестом, обнажив красную пелерину, и вышел вперед.

– Эй, ты! Тебе что непонятно, человек? Отворяй врата!

Маг от такого грубого обращения вскинул мохнатые брови, уставился на хамоватого Вицеллия и сказал:

– Золотой Город закрыт указом короля! Я вправе задавать вам любые вопросы, которые сочту нужными. И я же решаю, пускать вас или нет.

– Прошу извинить моего отца. На старости лет он стал бестактен и невыносим, но я побоялся оставить его без присмотра. – Юлиан метнул гневный взгляд на учителя, схватил того за плечо и отвел назад. – Отец, пожалуйста, не вмешивайтесь.

Затем граф в улыбке обернулся к магу и виновато развел руками, мол, отец, что с него взять. Но Вицеллий обошел Юлиана по дуге и снова демонстративно поправил алую пелерину. Маг с нахмуренным взглядом смотрел то на веномансера, то на накидку, морщил и чесал лоб.

– Я не собираюсь молчать! Я, Вицеллий Гор’Ахаг, Королевский Веномансер, имею полное право передвигаться вместе со своим сыном по Золотому Городу, безо всякого разрешения плешивого низшего мага.

Юлиан сделался мертвецки бледным, как и охранный колдун – тот пошатнулся, выпучил глазища, но затем будто бы усилием воли потушил в себе волнение. В груди старика задрожало сердце, отстукивая судорожную дробь. А наги на воротах поднялись на мощных хвостах, сжали сверкающее оружие и вопросительно переглянулись – ждали приказа. Маг продолжал нервно буравить глазками алую пелерину, бывшую символом аристократии три десятилетия назад.

– Конечно-конечно, – тело мага медленно оттаяло от цепящего ужаса, – проходите внутрь, господа! – протянул он. – Я уточню у почтенного Нактидия, готов ли он вас принять. Как представить вашего сына?

Вицеллий указал на Юлиана, только решившего открыть рот, сухой дланью.

– Юлиан Гор’Ахаг.

Намеренно спокойной походкой маг сделал шаг вперед и шикнул на змеев. Те убрали алебарды и распахнули широкую калитку. На смену испугу чародея пришла деревянная улыбка. Она легла у застывших в гримасе услужливости уголков губ, растянула их. Маг убаюкивал настороженность господ поклонами, глядел ласково, но все вокруг кричало – бегите. Вместо того, чтобы бежать от столь очевидной ловушки, Вицеллий горделивой походкой прошел мимо охраны и остановился уже за коваными решетками ворот, поманил к себе рукой. Юлиан отступил, мотнул головой.

– Мы остаемся, Вицеллий.

Граф отозвался бледным и тусклым голосом. И уже обернулся, чтобы взять Фийю и как можно быстрее уйти, но, к своему ужасу, обнаружил, что она топчется рядом с Вицеллием по другую сторону забора. Айорка хлопала глазами, озиралась и словно не понимала, как она здесь оказалась.

– Фийя! – приказал Юлиан. – Фийя, иди сюда.

– Мы ждем только тебя, Юлиан, – ласково произнес Вицеллий и остановил Фийю. – Ну чего ты там возишься?

– Проходите, почтенные, все проходите, – возвестил маг-охранник.

Юлиан кинул беглый взгляд через плечо назад, заметил возничего на груженной овощами телеге и сделал рывок вперед, минуя воротную арку. Он протянул руку к замершей Фийе, чтобы тут же развернуться и скрыться, когда услышал зловещий грохот хлопнувшей сзади калитки.

– Я пока оповещу почтенного гор'Наада о вашем прибытии.

С облучка повозки спрыгнул ничего не понимающий курчавый слуга в серых рубахе да шароварах, встретился вопросительным взглядом с нагом, но тот лишь зашипел: “Шшдите”. Пути назад не было.

И вот маг очень живо побежал по улицам, поднимая подол длинного платья, и потерялся за поворотом, утопающим в пышной зелени кроваво-красных бугенвиллий. Когда наги отвлеклись на шипящий разговор меж собой, Юлиан грубо схватил веномансера за рукав и едва слышно прорычал:

– Старый недоумок! Что вы творите? Вы нас всех в могилу сведете.

– Чушь, – небрежно отмахнулся Вицеллий.

– Вицеллий!

– Все хорошо, Юлиан.

– Кретин! Куда нам теперь идти? Вы не понимаете, что вам здесь не рады? Как и мне теперь!

– Да брось, Юлиан. Расслабься...

– Полоумный безумец, вы...

Не успел Юлиан договорить, а маг уже невероятно быстро вернулся. Улыбался, кланялся на ходу да глядел ласковым взором палача. Везде стояла охрана, и бледный от страха граф насчитал больше трех десятков стражников, чьи железные капеллины выглядывали отовсюду. Во внутреннем городе, где проживала знать, за безопасностью следили очень рьяно. С галерей высоченной стены мрачно зыркал караул.

– Меня зовут Падафир, почтенные. Нактидий живет за углом и будет рад увидеть старого друга, – проговорил деловито маг. – Пойдемте, я вас провожу. Шрод, – обратился Падафир к змею, – я сам провожу гостей. Возвращайся на пост.

– Падафир, – обратился к магу Юлиан, нервно озираясь по сторонам. Стражи становилось все больше и больше, она выростала словно из-под земли. – Моему отцу приятно будет пообщаться с другом с глазу на глаз, без лишних ушей. Я подожду снаружи...

– Глупости, Юлиан. Нактидий будет рад познакомиться с тобой, моим сыном, – отрезал Вицеллий.

Отряд стоял на чистых и аккуратных улицах с желтыми бордюрами и высаженными вдоль дороги стройными, как юная девица, черными платанами. Мостовая сразу же от ворот делилась на три ветви. Две дороги расходились в стороны и вели к тихим улочкам, где жила аристократия. Третья же ветвь тянулась прямо ко дворцу, чьи башни грозно нависали из-под облаков и сдавливали своим величием.

Теперь дворец не казался изящным, он пугал своей мощью и богатством, пугал своими исполинскими размерами. Страшили и настороженные угрюмые взгляды стражников, выглядывающих отовсюду. Тело Юлиана налилось холодом, ноги одеревенели, а лицо вспыхнуло ужасом.

Путники в сопровождении Падафира повернули направо, за угол. Фийя изумленно ахнула, разглядывая роскошные дома с крытыми террасами, ползущие по стенам вечнозеленые бугенвиллии, налитые кровавыми оттенками, махровые гибискусы в прямоугольных кадках между высаженными платанами. Особняки были трех- и четырехэтажными, чаще из белого камня с облицовкой из мрамора. Над головами гостей на весеннем южном ветру колыхались алые

ленты. Даже фонари вдоль дорог являли из себя произведения искусства – резные фигурки чертят, гарпий и суккубов держали в бронзовых коготках круглые полые шары из матового стекла.

Меж тем Юлиан настороженно озирался и искал выход из сложившейся ситуации. Его настороженный взгляд смотрел сквозь все это бесстыдное и расточительное великолепие, метался по улочкам загнанной в угол жертвой.

Почти сразу отряд подошел к двухэтажному, весьма скромному жилью. На пороге уже стоял и улыбался полный мужчина: с лысой головой, гладко выбритый, смуглый, в золотых узких шароварах, с надетой поверх них расписной древесными узорами парчовой рубахой. Красный пояс с черными и золотыми монетками забавно позвякивал при движении. Юлиан узнал те самые заговоренные на благосостояние монетки Прафиала: бога власти, магии и золота.

– Здравствуй, мой сердечный друг! – слащаво улыбнулся Нактидий гор’Наад, обнажив клыки. – Да благоволят тебе Праотцы!

– Приветствую, Нактидий!

– Проходи же в мою скромную обитель, будь любимым гостем, Вицеллий, старина, и расскажи, что привело тебя ко мне. – Хозяин пухлой дланью сделал радушный жест. – Проходите!

Юлиан вздрогнул и приготовился к худшему. От Нактидия прозвучал крайне странный вопрос, словно тот не знает ничего о своей собственной просьбе забрать старый вклад. Граф затравленно осмотрелся по сторонам. Золотой город прятался внутри кольца высоких стен, и бежать было некуда. Зловеще пустая и тихая улица кричала о том, что грядет беда.

Вампиры вошли внутрь имения, прошли укрытый тонкими коврами холл и приземлились на красные и истрепанные жизнью козетки.

– Я столько лет тебя не видел, Вицеллий. Даже и не ожидал встретить, – сказал Нактидий и расстелил свое пузо по мягкой обивке.

– Прошло полвека с тех пор, как я занял тебе триста сеттов. Помнишь?

– Как же мне забыть твою щедрость, друг? – улыбнулся Нактидий. При всем его напускном радушии выглядел помощник казначея неприятно – как обыкновенный алчный и наглый златожорец.

– Теперь я хочу забрать восемьсот сеттов.

– Да-да... – медленно изрек Нактидий. – Но ты для начала расскажи о себе, о сыне. Где ты был все тридцать лет?

Рядом с вазой, расписанной серой краской – дешевым заделом под серебро, – стояла деревянная лошадка-качалка. На низком столике у стены Юлиан заметил женский гребень. Однако никто, кроме банкира, не вышел приветствовать гостей: ни слуги, ни семья. Над домом нависла гнетущая тишина. Отчетливо были слышны как потирания толстым задом банкира об уже старую мебель, так и певчие, веселые трели в саду в задках дома.

– Я долгое время жил в Ноэле, воспитывал единственного сына.

– Он у тебя, дружище, как истинный северянин. Давненько я не видал таких черных волос и синих глаз, – Нактидий фальшиво улыбнулся. – Хороший мальчик вырос. Как прошло ваше путешествие? Не столкнулись со злыми гарпиями в Ор’Ташкайе? Говорят, они облюбовали Косой утес у порта. С неделю назад туда отправили отряд магов и веномансеров.

– Нет, мы проделали путь верхом, через Детхай и Дюльмелию.

– Славно, славно... – после задумчивого бормотания Нактидий осторожно прислушался, и, ничего не услышав, продолжил сыпать вопросами: – Тогда как прошло конное путешествие? Расскажи же мне все, мой любимый друг, мой верный товарищ. Я так давно тебя видел, что не терпится все узнать.

И вот Юлиан услышал далекий и многочисленный топот. На лице Вицеллия воцарилась умиротворенная улыбка, и он, расслабленный, закинув ногу на ногу, пренебрег нарастающим гулом. Рукавом из самой дешевой парчи Нактидий обтер со лба пот и как-то облегченно выдохнул. В воздухе витали фальшь и

напряжение. Одна Фийя, сидя на краю козетки, хлопала глазами да невинно улыбалась – она просто не понимала, о чем толкуют господа.

– Хорошо прошло. В Саддамете столкнулись с рабами, те перебили своих хозяев. Но ты, Нактидий, знаешь, что я не я, если не смогу выкрутиться.

– Да-да, это я знаю... Кстати, помнишь Иллу?

– Как же его забыть, моего лучшего друга.

– Он... оценил твой прощальный подарок, Вицеллий. – Нактидий поднялся с козетки, дрожащий, и медленно отошел в угол комнаты, якобы разглядывая нагих женщин на картинах. – Его чудом успели спасти, но Илла десять лет был прикован к постели. Он обрадуется встрече с тобой.

– Нактидий. Вы не отправляли письмо в Ноэль, да? – спросил Юлиан.

Нактидий уже стоял в проходе между холлом и гостиной, отступая ко входной двери.

– Какое письмо? – Нактидий едва не опрокинул высокую вазу, пятясь, но успел придержать. – Как я мог написать тому, кто пропал без вести, когда его искало все королевство, чтобы повесить за измену и попытку убийства?

Дверь в особняк с тихим скрипом отворилась. А уже спустя мгновение в гостиную ввалились около двадцати стражей, одетых в полный набор доспехов, от шлемов с выгравированными ветвями деревьев до латных сапог. Зло сверкнули алебарды. На гостей в угрозе нацелились стальные острия, холодно звякнул металл. Фийя вскрикнула. Юлиан сжал челюсти. Вицеллий улыбнулся. Гвардейцы расступились и пропустили высокого, по меркам южан, но на полголовы ниже Юлиана, рыцаря, от которого разило псиной, – оборотня. Тот жестко глянул сквозь прорези забрала на невозмутимого Вицеллия. Старик растянулся на козетке, отдыхая.

– Глазам своим не верю! – рыкнула стальная фигура. – Как у тебя наглости хватило вернуться, Алый Змей?

– Здравствуй, Гоголос. Это мой сын Юлиан, познакомься.

– Ты с ума сошел!? Еще и сына на виселицу притащил!

– Я не его сын! – произнес Юлиан, встав с козетки.

Тут же в грудь и спину графу уперлись остриями десятков копий, и тот застыл.

– Встали и пошли за мной! Все! Все вы, Гор’Ахаги, лжецы и ублюдки. По вам давно плачет висельное дерево.

Фийя, доселе сидевшая подобно запуганной мыши, тихо и беззвучно, уставилась на окруженного графа, чью васильковую рубаху пропитала кровь от уколов алебардами.

– Тео, тео, что это... – зашептала она, дрожа.

– Вставай! – крикнул Гоголос айорке.

Служанка вздрогнула от рыка, расплакалась, но так ничего и не поняла, ибо языка не знала.

– Фийя, – прохрипел Юлиан на северной речи. – Вставай. Пошли.

– Тео Юлиан не виноват! – вдруг закричала Фийя надрывно, глаза ее зажглись лихорадкой, грудь заходила ходуном. – Господин Вицеллий... Это все он!

– Помолчи! – прошипел Юлиан.

– Тео Юлиан, – айорка взмолилась, рыдая. – Скажите же им...

Вицеллий нахмурился, взгляд его, колючий и опасный, вцепился в Фийю, и та вдруг замолкла. Не успела айорка и слова сказать, как ее подкинуло с козетки. Озлобленная стража тут же направила на Фийю острия копий. В диком безумии служанка неестественно дернулась, извернулась, и тело ее швырнуло будто бы какой-то силой на графа.

– Фийя! – вскрикнул Юлиан.

Охнув, айорка уже ясным взглядом посмотрела на свою грудь. На платье расплылось кровавое пятно от упирающегося в него наконечника. Тот вошел на пол-ладони вглубь, к сердцу, а ошеломленный молодой стражник, словно очнувшись от забытья, испуганно выдернул алебарду.

Фийя качнулась. Юлиан попытался сделать к ней шаг, но ему не позволили. Ноги служанки подогнулись, она со стоном осела на колени. Тоненькой ручкой с колышущимся на запястье браслетиком, подаренным графом, она схватилась за платье, напитанное кровью.

– Дайте мне ей помочь! – взревел граф.

– Праотцы помогут, – был ответ Гоголоса.

Меж тем, Вицеллий встретился взглядом с графом. И весело рассмеялся. Это стало последней каплей.

Не раздумывая, Юлиан поднырнул вниз и в сторону веномансера. Нанес быстрый удар в зазор между доспехами ближайшего стражника, вставшего на пути. Тот покачнулся и завалился на козетку. Истрепанный диванчик опрокинулся, обнажив взору свернувшуюся в клубок Фийю. Айорка тихонечко, но так громко постанывала от боли, как щенок, и глядела на графа полными слез глазами. Юлиан умудрился свернуть шею еще одному, получил два болезненных укола в плечо, увернулся, снова поднырнул и хватил по затылку попавшегося под руку стражника локтем. С болезненным завыванием, захлебнувшись воздухом, стражник по инерции пробежал вперед, кувыркнулся и грохнулся на деревянную лошадку-качалку. Хрустнул позвоночный столб – игрушка оказалась крепкой, крепче здоровенного мужика. Фийя замерла, а ее молчаливый и словно укоряющий взгляд теперь следил за графом. Тот не знал, что делать. Впереди выросла сплошная металлическая стена; где-то за ней спрятался Вицеллий.

Юлиана колотило, шатало от злобы и ярости. Его схватили за волосы и попытались завалить, а стражники, перебравшись через козетку, накинулись всем гуртом. “Хотят взять живьем”, – подумал быстро Юлиан и, отшвырнув еще одного несчастного, снова нашел глазами Вицеллия. Алого Змея, покорного и смиренного, уже вели к выходу, где из-за дверного проема выглядывал

Нактидий, но веномансер продолжал оборачиваться. И улыбаться.

– Вяжите! – рычал Гоголос.

Со звериным воплем Юлиан прыгнул в сторону учителя, мысленно уже ломая тому шею. Сзади на молодого графа накиннулись, несколько пар рук схватили за васильковую рубаху, за волосы, ноги, руки, сильно потянули на себя. С сухим треском рубашка порвалась, и в руках незадачливых воинов остался лишь лоскут. Кто-то ловко подсек графа ударом ноги, тот рухнул ничком, продолжая выть, но на его голову и спину уже обрушились грозные удары. Ускользящий глас разума умолял прекратить сопротивляться, иначе сущность Старейшины раскроют, и, ослепленный бешенством, Юлиан чудом его услышал. Краем глаза он увидел мертвое тело рабыни, по которому безжалостно топтались, и затих. Все было кончено.

Раздался зловещий скрежет кандалов на руках, а затем радостный вопль одного гвардейца, который посчитал себя особенно умелым, хотя граф просто перестал бороться. За ним последовал лязг тонких и легких оков, уже в районе щиколоток, и чуть позже – шеи. Юлиан почувствовал, что не может даже пошевелиться, но ему было плевать. Грубый холщовый мешок обхватил его голову, шнуры больно врезались в шею, а пыльное и грязное тело айорки со следами окованных металлом сапог скрылось от больного взгляда графа. Фийя такого не заслужила. Ноги Юлиана оторвались от земли, его замершее тело подхватили в несколько рук и куда-то понесли.

Он ничего не понимал. Юлиан корил себя за то, что позволил Фийе поехать с ним и погибнуть так рано и глупо. Перед глазами еще стоял ухмыляющийся Вицеллий, и граф молил всех богов, чтобы их с веномансером разместили в одной камере. Тогда он пообщается с Алым Змеем один на один. Руки в кандалах сжались в кулаки.

С ним не церемонились: закинули в повозку, придавили сверху острыми металлическими локтями и коленями, а у горла легло холодное лезвие кинжала, чтобы пленник даже и не думал дернуться.

Две кобылы в упряжке торопливо и звонко застучали копытами по мостовой. Где-то рядом разносился скрип еще одной подводы, вероятно с Вицеллием, и звуки конного сопровождения. Когда повозка замерла и лошади фыркая

остановились, графа достали, поддержали за подмышки и потащили. Обходились грубо: колени оббивались о ступеньки, а тугие оковы моментально натерли руки и шею в кровь. Вицеллий шел рядом, Юлиан чувствовал его запах.

– Двоих убил. Двоих! – с ужасом прошептал кому-то один из стражников, и этот кто-то ушел в сторону. – Что за демон!

Подъем закончился, начался спуск по крутым каменным ступеням. Вероятно, дошли до отделения тюрьмы. Через время раздался скрип железных решеток, потом еще один. Ничего не видя в мешке, Юлиан, однако, все прекрасно слышал. Они миновали темницы, где сидел люд, кричащий и галдящий. Потом свернули вправо, колени больно ударились о высокую ступеньку перед резким спуском. Там его снова приподняли и спустя пару минут приволокли к решетчатой двери. Зазвенели цепи на кандалах о толстые пруты, дверь отворили и заключенного затащили в темницу.

– Пожалуйста, дайте мне провести последние часы с отцом, – глухо попросил из мешка Юлиан.

– Закрой пасть! – кто-то ударил его под ребро коленом.

Запах Вицеллия пропал, послышался звук открываемой далекой камеры. Юлиан грязно выругался. Он сам хотел стать палачом для обезумевшего учителя и все узнать из его крови.

– Тщательно обыщите этих змей, особенно старшего. Обыскивать в перчатках, потом их выбросить. Ясно? – рыкнул где-то в коридоре Гоголос.

– Есть!

С Юлиана срезали все вещи, распотрошили шаровары. Граф слышал, как их кромсают на лоскуты, выискивая спрятанное. В камере, одиночной, ходили мягкими шагами еще двое молчаливых вампиров. Пока гулкие и пыхтящие охранники клали на каменный пол остатки одежды, осторожные руки проверяли их. Потом Юлиан догадался, что скорее всего, это были веномансеры. Он то и дело слышал, как те шумно втягивали носом воздух, проверяя облачение на яды.

– Снимите с него мешок, – наконец приказал один из них.

Мешок сдернули грубо, вырвав с ним клочок черных волос.

– Открой рот.

Резкий удар в бок, и Юлиан, взыв, послушно распахнул рот, куда заглянули сразу двое худых и бледных, как сама смерть, вампира. К лицу графа поднесли фонарь, состоящий из круглого шара и металлического каркаса с ручкой. Шар потеряли, и он засиял очень ярко, временно ослепив Юлиана.

– Закинь голову вверх... – прошептал первый веномансер, сухо и безжизненно, словно из погребальной корзины. – Язык подними. Теперь вытащи.

– Чисто, – вынес свой вердикт второй.

Когда фонарь убрали от лица Юлиана, граф часто заморгал и смог осмотреться. Тюрьма была просторной, для знатных пленников. Небольшое окно под потолком с широкими прутьями, на уровне земли, выходило на площадь, но нужно было приподняться, чтобы увидеть, какую именно.

Помимо двух тощих веномансеров, облаченных в темные пелерины и с алыми линиями на резких лицах, проведенными от нижней губы до подбородка, в камере было еще пять стражников. В темницу вошел пожилой человек, одетый как Падафир: черное платье, расшитая золотым деревом накидка, обвивающие тощую шею черные ленты. Боевой маг, он же охранный, значит.

– Проверили? – спросил он.

– Безопасно, – кивнули одновременно два веномансера, сложив руки на животах.

– Тогда закрепите его у стены.

Голое тело графа, в кровоподтеках от битья и с несколькими колотыми ранами, поволокли к стене. Маг прошептал на Хор'Афе длинную фразу, что состояла из сумбурных слов без смысла. Кандалы на шее и заведенных к потолку руках вошли в пазы, слились с ними, намертво склеив заключенного со стеной.

Убедившись, что вампир теперь полностью обездвижен, маг осторожно подошел к Юлиану и прошептал увесистую фразу, вытянул вперед руку, коснувшись груди. Ничего не произошло. Тогда он нахмурился и снова повторил фразу, но и тут не случилось ровным счетом ничего.

– Сотрапезника нет, но... хм... странно. Он будто закрыт для меня, – маг взволновался.

Гоголос вошел в камеру энергичным шагом, а его окованные металлом сапоги звучно прогромыхали по камню. По узилищу разлился запах хищника.

– Червя нет?

– Нет, – последовал смятенный ответ. – Но реакция на заклинание странная.

– Нет и ладно, главное, паразит не сидит. Наденьте мешок и проваливайте! – рыкнул капитан стражи. – С ним позже поговорит сам Илла.

На мешке снова затянули шнур, отчего Юлиан почувствовал, будто задыхается. Затем толпа покинула камеру, громко лязгнув металлической дверью. Нагой и избитый граф сидел, прикрыв глаза, и не мог даже пошевелиться, разве что повести плечами вверх и вниз да развести в стороны стопы – щиколотки были скреплены оковами меж собой.

Время тянулось бесконечно долго. В тюрьме было тихо, как в склепе, и на Юлиана накатилась удушливая волна размышлений. Вицеллий был тем, кто убьет тысячи, чтобы сохранить себе жизнь. Зачем же веномансер вернулся в город, где его поджидала смерть? Кто подослал то фальшивое письмо? Может быть, хотели поквитаться с Вицеллием? Нет, здесь было что-то не то. И Юлиан, вспоминая все прошлое, пришел к ужасной мысли – Вицеллий знал, что в Элегиаре его ждут враги и ехал к смерти намеренно. Но зачем? И с какого же дня началось предательство Вицеллия к семье Лилле Аданов и, главное, к самому себе? На этот вопрос ответа не нашлось. Вся ситуация, от отъезда и до ареста, была абсурдной, словно воплощенный в жизнь кошмар полоумного. Юлиан вспоминал Фийю и ее наивные, но самоотверженные попытки помочь.

* * *

Минуты перетекли в часы. Надвигались вечерние и холодные сумерки. Где-то вдалеке угрожающе скрипнула дверь, и несколько человек или вампиров вошли внутрь тюремного блока. По полу глухо застучала трость.

- Где он? – спросил пожилой, но ясный голос.

- Вот здесь, достопочтенный...

- Поставьте щит.

- Как прикажете, достопочтенный.

Трость постучала по камню, отдавая деревянным отзвуком, затем раздался лязг тюремной двери и... все пропало. Лишь разносилось по коридору кряхтение магов да поддерживающее заклинание. Как ни вслушивался Юлиан, но ответом ему становилась тишина. Из того бессмысленного набора слов на Хор'Афе, которые сливались в монотонную бубнежку, вампир предположил: колдуны возвели вокруг камеры заслон, эдакий звуковой барьер, оставляющий все речи внутри.

Что же делать? Юлиан пытался обратиться к Лётэ, по подобию того, как это делала матушка, переговариваясь с ним ночами. Тогда она закрывала глаза, откидывалась в кресле и замолкала, мысленно концентрируясь. А когда возвращалась из этого погруженного безмолвия, то рассказывала новости из Йефасы. Однако Юлиан еще не чувствовал ни совет, ни Лётэ фон де Форанцисса, и все его забавные потуги, когда он пыхтел, закрывал глаза и пытался что-то узреть, так и остались пустыми. Матушка уверяла сына, что еще пару десятков лет и глава совета зазвучит в его голове и ясно почувствует, где Юлиан. Всего лишь пара десятков – усмехнулся про себя горестно Юлиан. Не было у него этого времени.

Тогда, в который раз, он бессмысленно заметался в кандалах, изгибаясь сильным телом в разные стороны. Пытался хоть как-нибудь вытащить из неглубокого паза в стене оковы. И все безрезультатно. Это были чары. И пусть Юлиан был к ним невосприимчив, но магия заключалась сейчас не в нем, а в этом легком металле, что больно сдавил горло, руки и ноги. И с этим граф

ничего поделывать не мог. Лишь смириться. Ему оставалось отдаться воле судьбы и понадеяться на эту капризную даму.

Время снова потекло медленной рекой. На Юлиана неподъемным камнем навалилась слабость, и он погрузился в состояние отрешенного отупения, тяжело дыша через грубую мешковину. Ныло плечо, болела поясница, где-то за лопатками расплылся кровоподтек от смачного удара стражника, а в области шеи, запястий и щиколоток уже потемнели запекшиеся следы крови. Юлиан нервно дернулся, вырывая себя из полузабытья, и почувствовал, как горячая, свежая кровь потекла поверх засохшей. Состояние безвестности угнетало больше, чем если бы граф знал, когда и как умрет. О чем же говорят Вицеллий и загадочный Илла?

Наконец в коридоре послышался стук той же трости. Шаги, неспешные и словно задумчивые, направились в сторону Юлиана.

Дверь отворилась с железным скрипом, впустив нескольких слуг. Те торопливо установили громоздкое кресло, чиркнув ножками по каменному полу, а после так же быстро удалились. Тяжело проволочился подол платья, вероятно, из парчи. Шуршание затихло, а громкий хруст старых суставов известил о том, что мужчина присел. Юлиан неожиданно перестал слышать все, что происходило в коридоре, а значит – снова щит.

Деревянная трость стукнулась сначала о пол, затем о подлокотник кресла – человек или вампир, Юлиан пока не ощутил запах сквозь плотный мешок, прислонил палку. Ткань длинного облаченья пошумела – и воцарилась тишина. Незнакомец замер. Он тихо и размеренно дышал, молчал, и только уверенный стук его сердца говорил о том, что в камере есть кто-то кроме Юлиана.

Даже сквозь вонючую мешковину граф чувствовал, что его всего рассматривают с головы до пят. Чуть позже кресло едва скрипнуло, будто мужчина в нем оперся на руку в раздумьях.

– Тебе выдвинуто обвинение в убийстве двоих горожан Элегиара, – спокойно возвестил ясный и бархатный голос. Голос того, кто живет умением говорить. – Ты будешь повешен вместе с отцом на Висельном Древе.

Юлиан не произнес ни слова. Что он мог сказать Илле? Что Вицеллий его обманул – не поверят. Что Вицеллий ему не отец – проверят. Если бы граф не обезумел и не кинулся на стражу, то его бы с большим шансом отпустили. Преступления отцов не должны ложиться на плечи детей – так гласит один из законов Элейгии. Но Юлиан сам себя подвел под смертную казнь из-за глупости.

Немоту узника Илла рассудил по-своему.

– Хорошо. Не хочешь говорить – не говори, твое право. Значит, и на тебя легла печать безумия. Иначе почему ты явился сюда вместе с отцом?

Незнакомец стал неспешно, с хрустом подниматься из кресла.

– Кто-то прислал письмо в Ноэль из дворца, – неожиданно произнес Юлиан, а потом мысленно выругался на себя за то, что ляпнул опасную вещь.

Он вскинул голову в мешке и почувствовал, наконец, запах вампира. При движении кандалы болезненно впились в горло и растревожили уже затянувшиеся кровавой коркой раны.

От царедворца пахло травами, а точнее лекарствами из них – тягучими и горькими. К этому примешивались сладкие и приторные нотки апельсина и лимонеллы. Противоречивый букет из сладости и горечи одновременно.

– Какое письмо? – Илла вернулся в кресло.

– Оно было под пелериной... отца.

– Там не было никакого письма, – Илла смолчал и продолжил. – Вицеллия, как и тебя, раздели и обыскали. При себе он имел лишь пару пузырьков с борькором, рерркофом да кошель с двумястами пятьюдесятью треволами и пятьюдесятью двумя сеттами в серебре, – затем добавил: – А в суме на постоянном дворе были пара нарядов да металлическая расческа.

– Этого не может быть! Я сам видел, как отец спрятал письмо левой рукой во внутренний карман, у правой груди, в крайний, к ядам.

Юлиан ничего не понимал. Как после осмотра могло остаться незамеченным свернутое письмо? Только если Вицеллий не избавился от него заранее.

– Расскажи подробно.

– Двенадцатого дня Валгоса в... к дому прибыл гонец с письмом из Элегиара. Золоченый футляр, бычья кожа, тиснение в виде платана с лентами, красная шелковая петля в качестве ручки. Пах, кажется, цитрусом и можжевельником. Внутри послание от Нактидия гор'Наада, в котором он пригласил старого друга забрать полувековой вклад из трехсот сеттов... золотых.

Юлиан смолк, ждал реакции.

– Продолжай, – прозвучал тихий, но властный голос.

К Илле обращались «Достопочтенный». Он говорил уверенно, и в голосе его сплетались власть, непримиримость и сила. Граф понял, что имеет дело с консулом, с одним из правителей Элейгии. Консулов после реформ насчитывалось семь: король, как первый из консулов, советник, веномансер, архимаг, казначей, военачальник и дипломат. Кто же Илла? Точно не король, которого звали Морнелием, и не архимаг, потому что вампиры колдовать не умели. Для военачальника, выбирающегося из военных дел людей, всю молодость проводящих на полях боя, слишком спокойный, говорит тихо, и, как показалось Юлиану, голос повышать не привык. Остался выбор из казначея, веномансера, советника и дипломата.

– Все, – ответил Юлиан. – Отец предложил посетить Элегиар вместе с ним. Я же никогда не покидал земли Ноэля и потому согласился. Мы без задержек миновали Детхай, Дюльмелию и прямым ходом направились сюда. Больше, увы, ничего не знаю. Да, я поступил необдуманно, когда напал на стражу, но в тот момент не понимал, что происходит, и видел неизвестную угрозу для отца и рабыни. Как и сейчас не понимаю...

– Где вы жили в Ноэле?

– Подле Лорнейских Врат, – Юлиан повторил в точности то, что говорил ему ранее Вицеллий. – У Харинфа.

– Харинфа? – сильно удивился пожилой вампир. – Из Байвы? Харинфа Повелителя Бурь?

– Да.

– Откуда Вицеллий знает Харинфа? Харинф отбыл из Элегиара в Байву до приезда Вицеллия из Аль’Маринна – они никогда не встречались.

– Через Пацеля, именно ему Харинф завещал имение.

– Кто такой Пацель?

– Верховный маг Детхая.

– Я помню всех прихвостней, что вились вокруг Харинфа, и среди них никогда не было никаких магов и колдунов с именем Пацель.

– Я не знаю... Мне не приходилось видеть его, он умер, но оставил в наследство своему товарищу Пацелю особняк у Лорнейских Врат, где я и вырос.

Юлиан понимал, что больше Вицеллий ему ничего не рассказывал, поэтому продолжать разговор не мог. Мысленно он взмолился всем богам, чтобы Илла не был слишком настойчив в своих расспросах.

– Харинф всю молодость и старость провел на посту архимага сначала в Элегиаре, потом в Байве в академии. И ни с Детхаем, ни с выходцами из него дел не имел, – сказал Илла. – Но тогда понятно, почему мы не нашли Вицеллия, если он прятался в родном особняке Харинфа. Мы там и не искали.

– Неужели мой отец вам ничего не рассказал?

– Нет. Его охватило дикое безумие, и Вицеллий на все попытки заговорить с ним лишь блеял, рычал, мычал и неистово хохотал. Раз уж твой отец не сказал ни одного адекватного слова, случайно или намеренно, – с губ Иллы сорвался холодный намек. Похоже, он считал, что Вицеллий мог осознанно прикидываться больным. – То дать все ответы мне должен ты. Что побудило вас приехать в Элегиар?

– Я же говорил, – устало сказал Юлиан. – Прибыл посланец с письмом от Нактидия...

– Нактидий не мог прислать такого письма! – голос консула стал жестким. – Он на грани нищеты и едва сводит концы с концами, утопая в долгах за покупку должности помощника казначея.

В камере повисла недолгая тишина, и Илла продолжил расспрос в куда более резкой форме.

– Вицеллий встречался с кем-нибудь в Элегиаре? До Нактидия.

– Нет.

– Он вел с кем-нибудь из Элегиара переписку, когда находился в Ноэле?

– Не знаю.

– Он или его гонцы посещали земли Элейгии после Гнилого дня?

– Не знаю. Скорее всего, нет.

– Где же он приобретал ингредиенты для ядов? На постоялом дворе нашли ваши сумы со следами очень опасных и дорогих ядов. Он и тебя обучил искусству веномансии?

– Да. Но я не знаю, где отец заказывал компоненты. – Юлиан боялся, что консул легко выяснит, откуда являлся в Аль'Маринн посланный Вицеллием гонец.

– Не знаешь или не хочешь говорить? – голос Иллы стал много вкрадчивее. – Тебя повесят, но если расскажешь все честно – я позабочусь, чтобы тебя не пытали. Знаешь ли, у нас в подвалах очень опытные и изощренные истязатели. Они сделают так, чтобы каждый день казался тебе бесконечно долгим, и ты взмолился о виселице, как о спасении. А повешение, как ты должен понимать, я могу перенести на любой срок, достаточный, чтобы получить от тебя правду.

Юлиан остался безмолвен, с его губ не сорвалось ни слова. Ему просто нечего было сказать. А умом он понимал, что пустые мольбы к хорошему не приведут. Похоже, что Илла расценил это на свой лад и нарочито ласково пригрозил.

– Тебе сломают все конечности, одну за другой, медленно, намотав на железное колесо. Перед этим ты будешь оскоплен, – последовала короткая пауза, но Илла не услышал того, чего хотел – признаний. Тогда он продолжил: – Тебе понравится, когда брюхо твое набьют хлебом, заткнут рот кляпом, отчего еда будет постоянно выходить и возвращаться назад, разрывая все тело мучительной агонией?

В голосе консула звучали острая сталь и неумолимая смерть, и побледневший под мешком Юлиан уже буквально ощутил, как ему в глотку засовывают силой пищу.

– Я клянусь, я ничего не знаю! Отец ни словом не обмолвился о том, что случилось тридцать лет назад, и о том, кто такой Нактидий и кто вы.

– Ты врешь.

– Нет! Я ничего не знаю!

– С месяц назад то же самое, как заклинание, повторял один из организаторов отравления Его Величества. Этого человека с малых лет учили терпеть боль и молчать. Он не имел одной руки, детородных органов и глаза, был удивительно бесстрашен к любым мукам и участвовал более чем в двух десятках покушений на богатых господ. С кровью и насмешкой на губах он покрывал пособников и нагло врал, сидя в тех же кандалах, что и ты.

Казалось, что консул повеселел, в воздухе зазвучало довольное подобие насмешки.

– Уже спустя неделю он, харкая собственным дерьмом, пытался дотянуться губами до моих туфель, а перед ним лежал подписанный список с именами всех соучастников. В рыданиях он молил о том, чтобы я подарил ему скорую смерть. А я никогда не отличался милосердием. Как и не любил вранья. Хочешь узнать, что случается, когда вызывают мое недовольство? Хочешь в подвалы, где до сих пор пытаются того наглеца, что посмел попытаться меня обмануть?

Юлиан остервенело замотал головой. Он не хотел. Он боялся, хотя и пытался не выдать липкого страха, спутавшего тело.

– Послушайте, я вижу, что даже если попытаюсь вас обмануть выдуманной историей, чтобы ввести в заблуждение – это не выйдет...

– Не выйдет, – перебил жестким эхо Илла. – Правду! Скажи ее. Не испытывай мое терпение. Я дарю тебе последний шанс закончить свою никчемную жизнь почти без боли.

– Но мне нечего вам рассказать!

Старые колени поднимающегося с кресла Иллы хрустнули зловеще громко, и Юлиан живо представил, как с более сухим треском скоро сломают и его конечности, только по-настоящему. А вот сухожилия порвутся очень мягонько и неторопливо. Неспешно застучала к выходу трость, переплетаясь с шуршанием тяжелого облачения по полу.

– Мой отец был холоден и сдержан в общении со мной! – Юлиан с трудом подавил дрожь в голосе. – Я пытался узнать у него, спрашивал и хитростью, и лестью, но он был непоколебим и всегда лишь усмехался, говоря, что “на длинном языке хорошо вешаться”. А матушка, Филиссия, которая была тогда в Элегиаре, слишком рано умерла и не успела ничего поведать. – Юлиану было противно от самого себя, от своего жалкого состояния и сиплого голоса, но граф не мог остановить рвущийся поток слов, надеясь хоть как-то убедить консула. – Я знал лишь о том, что мы едем забирать старый вклад в восемьсот сеттов. Это слишком огромная сумма, чтобы ее игнорировать! А отец утверждал, что Нактидий Гор’Наад – его старый друг и верный товарищ, и нам ничего не угрожает. Но он, похоже, действительно в край помешался, потому что в последние дни вел себя очень странно... Я вам клянусь честью и достоинством, всем этим, потому что больше у меня ничего нет при себе, что я несведущ насчет планов отца! Я жертва его безумия, а не пособник!

Юлиан сказал все, что мог, более добавить было нечего. С несчастным стоном он обмяк в кандалах и закрыл от ужаса глаза, которые и так были слепы из-за мешковины. Если графа начнут пытаться, то бессмертие явит себя и тогда Илла окажется прав – последние дни его никчемной жизни станут самыми страшными в жизни Юлиана. Он даже почувствовал, как горячая и живая кровь,

доставшаяся от Гиффарда, забурлила, потекла быстрее прежнего по худому телу, словно поджидая нового хозяина.

Но вместо недовольного ответа от консула прозвучало лишь молчание. Илла стал странно безмолвен и нем, замерев где-то между креслом и тюремной дверью. В узилище повисла напряженная тишина. Все звуки истончились и пропали, а северянин услышал, как необычно затрепетало сердце Иллы, заметалось в груди туда-сюда. Так продолжалось порядка пары минут.

- Сколько тебе лет? - наконец, прозвучал холодный вопрос.

- Тридцать, - ответил из мешка Юлиан.

Консул не шевелился. В конце концов глухо застучала палка по направлению к пленнику. Илла медленно приблизился, обошел Юлиана сбоку, чтобы узник не опрокинул ударом ног в кандалах. Послышался стук прислоненной к стене трости. Мягкие и теплые пальцы коснулись шеи Юлиана, поддели тугим шнуром, ослабили. Перстни остро царапнули щеки. Мешок полетел на пол, и граф поднял свой взор.

Сине-серые глаза Иллы мерцали нечистым светом в полутьме узилища. Лицо его было страшным: скуластое, бледное, лишенное кровинки и похожее на обтянутую тончайшим пергаментом кость. Черная, едва тронутая серебром щетина обрамляла лицо внизу - по контуру, и над губой, а длинный нос был очень широк в переносице. Илла казался скелетом в облаке черных одежд, богато усыпанных золотом, рубинами и гагатами.

Между мужчинами тихонько покачивался край черного шаперона, намотанного турбаном. На ткани блестела золотая брошь в виде платана. Но Илла, а точнее глаза его - ибо только они, ясные и злые, были живы на давно мертвом лице - глядели сквозь брошь на узника.

Они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Илла нависал, высокий и костлявый, над пленником и глядел с маской беспристрастности. Ненадолго сквозь

холодное выражение проступила тень тревоги, легла усталостью на и без того изможденное какими-то болезнями лицо, делая его еще старше. Но консул переборол это состояние и продолжал словно что-то искать в бледном и перепуганном Юлиане. Тот уже мысленно воображал, что Илла, вероятно, раздумывает, какими клещами будет вытаскивать из узника правду.

Они оба молчали. В конце концов, Илла оперся на черную трость, исполненную в виде дерева, и его ладонь легла на сверкающий в полутьме темницы гранат, который прятался меж ветвей. Развернувшись, консул медленно направился к выходу хромающей походкой, неся на своем худом и немощном теле громоздкую мантию, которая подпоясывалась алым шелковым ремнем.

Там, где виднелась решетчатая дверь, переливался всеми цветами радуги щит – тот самый звуковой заслон. При виде подошедшего к выходу Иллы маги в коридоре перестали что-то бормотать, губы их расслабились, лица с символикой боевых чародеев обмякли, и с последним мерцанием, особенно ярким, щит пропал. Слуги отворили дверь, выпустили консула, потом вынесли деревянное резное кресло с мягкими алыми подушечками. Вскоре узник остался наедине с тревожными мыслями, которые подхватили его и закрутили в водоворот из переживаний и страха.

Чуть позже, буквально сразу, как царедворец покинул коридор, за Вицеллием Гор'Ахагом пришли. Его грубо вытолкали из камеры, но повели не к выходу из тюремного блока, а в противоположную сторону, где тихо сидел Юлиан. Четыре железных амбала, оборотни, от которых разило псиной, прошли с притихшим веномансером мимо узилища Юлиана. На костлявого старика накинули еле прикрывающую гениталии и худой зад рубаху, и он, больной и бледный, тяжело дышал, лишившись своего сердечного лекарства из голубых олеандров. Ненадолго Вицеллий повернул голову влево и столкнулся взглядом с Юлианом. И снова улыбнулся, правда уже как-то вымученно и устало, без безумного прошлого хохота. Глаза старика были печальными, но ясными.

Прозвенела звонкая пощечина. Один стражник злобно рыкнул на притоморзившего заключенного. Пошатнувшегося от удара Вицеллия ловко подняли над землей, отчего босые ноги нелепо замотыляли в воздухе. Дальше его, беспомощно провисшего с задранной до пупа рубахой, уже понесли. Звуки громяющих железных сапог растворились на лестнице, ведущей вниз. В подвал, стало быть... Еще через время в коридоре прошумело знакомое тяжелое облачение Иллы, и в сопровождении телохранителей консул спустился под

землю, вслед за Вицеллием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtol-c_d-dzh/demonologiya-sangomara-udav-i-gadyuka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)